

ТАВРЕНЬГА

Вельскаго уѣзда.

Этнографическій очеркъ.

Въ видѣ предисловія къ собраннымъ мною этнографическимъ матеріаламъ, ниже помѣщаемымъ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о своихъ поѣздкахъ по Вельскому уѣзду, Вологодской губ., о своихъ впечатлѣніяхъ и приключеніяхъ.

Задумавши изслѣдовать одинъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ сѣвера Россіи, какимъ является описываемая мѣстность — «Тавреньга»,—я первую поѣздку туда сдѣлалъ въ январѣ мѣсяцѣ 1894 г. по зимнему пути и проѣхалъ туда изъ Кадниковскаго уѣзда самымъ кратчайшимъ путемъ, а именно черезъ деревню Заозерье, Нижеслободской волости, въ дер. Зеленую, уже Вельскаго уѣзда. Изъ Заозерья до Зеленой волокъ считается 25 верстъ, но въ дѣйствительности, надо полагать, онъ гораздо длиннѣе, ибо дорога идетъ только до р. Пигомы—7 верстъ—болѣе или менѣе прямо, держится одного направленія на сѣверъ, но затѣмъ становится очень поворотистою и въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе умѣстна народная поговорка о разстояніяхъ: «баба мѣрала клюкой да махнула рукой». Да дороги въ буквальномъ смыслѣ слова и нѣтъ, а есть только небольшая и очень извилистая тропка («што заяцъ выключалъ»,—по замѣчанію моего ямщика), по которой лѣтомъ съ трудомъ проходить, а зимою еще съ большимъ трудомъ проѣзжаютъ въ возможно узкихъ саняхъ, да и то «ступью», т. е. шагомъ и съ топоромъ въ рукахъ, такъ какъ ежечасно приходится выходить изъ саней и прорубать или очищать себѣ дальнѣйшій путь. Надо сказать, что тропка эта идетъ густымъ, дремучимъ лѣсомъ, гдѣ еще «изъ вѣковъ топоръ не бывалъ» врозь чистки дороги; и толстымъ слоемъ снѣга лѣсъ этотъ гнетъ въ землѣ и ломитъ, ломитъ также его и вѣтромъ, отчего на дорогѣ постоянно находитъ валескикъ, чрезъ который если можетъ лошадь перескочить, то ладно, а въ противномъ случаѣ ямщикъ выходитъ и, перерубивши валескикъ, обра-

сываеъ съ дороги, и мы опять двигаемся до слѣдующаго препятствія и т. д. Если же валежнику въ одномъ мѣстѣ очень много и расчистить путь трудно, то объѣзжаютъ его стороной, срубая лѣсъ тамъ, гдѣ сани не проходятъ межъ деревьями. Вотъ почему дорожка эта и является очень извилистою, вѣчно мѣняется въ своемъ направленіи. Ъхали мы волокъ этотъ часовъ 7 или 8 не меньше, и, принимая во вниманіе наши остановки, все-же, думается, онъ не менѣе 35 верстъ, а не какъ не 25-ть.

Деревня Зеленая, куда мы пріѣхали, заключаетъ въ себѣ до 40 домовъ старинной архитектуры: окна небольшія, съ наличниками разнаго рисунка; это такъ называемые «передки», гдѣ живутъ только весною и лѣтомъ. Возлѣ передковъ, гдѣ-либо сбоку ютятся маленькія избенки «зимовки», гдѣ только по зимамъ живутъ, какъ показываетъ и самое названіе ихъ.

Перемѣнивши здѣсь лошадь, я поѣхалъ далѣе, въ с. Пономаревское, гдѣ, собственно говоря, сосредоточена вся администрація мѣстности: волостное правленіе, земское училище, квартиры окружнаго надзирателя, фельдшера и урядника; затѣмъ большая каменная церковь, дома причта и лавки торговцевъ. По пріѣздѣ сюда мнѣ прежде всего захотѣлось узнать: сколько всѣхъ жителей въ данной мѣстности? Для этого захожу въ волостное правленіе и лично прошу старшину сказать мнѣ объ этомъ, но онъ порылся, порылся въ какихъ-то книгахъ и наконецъ объявилъ мнѣ, что не знаетъ безъ писаря, а писарь обѣдаетъ. Дѣлать нечего, жду писаря, но по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, не добившись толку, ухожу къ одному мѣстному торговцу и прошу его добыть мнѣ эти свѣдѣнія черезъ свое знакомство съ писаремъ, на что торговецъ согласился и дѣйствительно исполнилъ мою просьбу, при этомъ сказалъ, что не дали мнѣ свѣдѣній изъ боязни, «для чего, говорятъ, это ему понадобилось? Худа бы не было намъ отъ начальства?»...

Изъ с. Пономаревского я поѣхалъ въ дер. Давыдовскую (Хмельники, по мѣстному), по направленію къ Ширыханову, каковой приходъ являлся моимъ конечнымъ пунктомъ изслѣдованія. Дорога въ Давыдовскую идетъ верстъ 6-ть боромъ, возлѣ р. Вель, а затѣмъ все остальное разстояніе до станціи (я ѣхалъ по земскимъ станціямъ, такъ какъ вольныя подводы здѣсь трудно найти) дорога проложена рѣкою, по льду. Изъ Давыдовской поѣхали прямо въ д. Николаевскую—въ Верхней Подюгѣ,—хотя «просѣлокъ» идетъ на Нижнюю Подюгу; такъ, прямо, лишь зимою проѣзжаютъ, сокращая путь къ Ширыханову. Здѣсь опять пришлось ѣхать волокомъ 20 верстъ и также все густымъ, дремучимъ лѣсомъ, и тоже, что и въ деревню Зеленую, съ топоромъ въ рукахъ и поминутно расчищать путь; кромѣ того выпрягали дважды лошадей въ пути и вываливали изъ саней насыпавшійся съ деревьевъ снѣгъ,

котораго, бывало, навалить полныя сани не смотря на то, что дугу впрягли такую низкую, что она буквально лежала на хомутѣ.

Деревня Велико-Николаевская или по просту Николаевская расположена на берегу р. Подюги и имѣетъ 36 домовъ. Рѣка Подюга, какъ я впоследствии убѣдился, протекала между громаднѣйшихъ горъ, ровныхъ мѣстъ почти не встрѣчается. Говорятъ, что полоса этихъ горъ идетъ съ самаго Уральскаго хребта, но насколько это правдоподобно — рѣшить не берусь. Течение р. Подюга имѣетъ очень быстрое, мѣстами есть и пороги; на устьѣ ея водится семга. Въ прежнее время, рассказываютъ мѣстные жители, семги водилось очень много, и поднималась она Подюгою далеко отъ устья, но въ послѣднее время выстроены двѣ мельницы, черезъ плотины которыхъ рыба и не можетъ перебраться, такъ что семга мечетъ икру теперь лишь въ устьѣ рѣки.

Говоръ жителей въ Верхней Подюгѣ близокъ къ важскому, тоже, какъ и тамъ, нѣсколько на распѣвъ.

Пособравши кое-что изъ матеріаловъ, я двинулся дальше, къ Ширыханову, куда дорога идетъ тоже громадными, густыми лѣсами, о величинѣ которыхъ можно судить потому, что при вырубкѣ лѣса случается, что изъ одного дерева вырубаютъ по 3 бревна, длиною 10-ти аршинъ, толщиною и послѣднее 8 вершковъ въ діаметрѣ, да и то въ верхнемъ отрубѣ. Рассказываютъ, что князь Вяземскій, Управляющій Удѣлами, при посѣщеніи этой мѣстности взялъ нѣсколько отрубковъ одного дерева, изъ которыхъ былъ одинъ въ 22 вершка въ діаметрѣ!—да и повѣрить этому можно, принимая во вниманіе, что возлѣ самой дороги стоятъ такіа гигантскія деревья, что видѣть вершины ихъ можно, не иначе, какъ загнувши голову чуть не на спину...

На пути этомъ—въ Ширыханову—есть деревня Вельцы, расположенная на берегу той же р. Подюги и имѣющая до 60 домовъ. Это въ зимнее время, а лѣтомъ въ деревню не заѣзжаютъ, проселокъ идетъ мимо ее. Замѣчательно, что р. Подюга здѣсь до того извилиста, что съ Верхней Подюги въ Ширыханово приходится переѣзжать черезъ нее до 5-ти разъ, какъ въ послѣдствіи оказалось.

Не доѣзжая немного до первой деревни—Хмелеванской—Ширыханова, сдѣлалась страшная пурга и намело снѣгу выше изгородей, такъ что мы съ большимъ трудомъ попали въ деревню, гдѣ и остановился я на «обувательской» станціи. Станція эта здѣсь содержится лишь для того, чтобы вывести обратно того, кого занесетъ сюда капризная судьба, ибо дальше какъ до мѣстной деревни Ярцева и дороги нѣтъ; не даромъ и сложилась въ народѣ такая поговорка: «кто въ Ярцевѣ побывавъ, тотъ вѣчной муки миновавъ»... Правда, есть тропка на Мехреньгу, Олонецкой губ., по которой въ лѣтнее

время знатоки пути пробираются туда пѣшкомъ, а зимою иногда и на лошади, но то знатоки, а такъ, не зная мѣстности, пуститься въ этотъ путь рискованно: легко можно сбиться съ тропки... По словамъ знатковъ волокъ этотъ, т. е. отъ деревни Ярцева до ближайшей деревни Олонецкой губ. 40 верстъ, а «може и болѣ, кто ево знаетъ», дополняютъ они; посреди волоку будто бы устроена истопка (не большая лѣсная избушка), въ которой путники отдыхаютъ, предварительно выкопавъ ее изъ-подъ снѣга, если случится быть зимою. Я хотѣлъ было рискнуть съѣздить въ Мехреньгу, но заболѣлъ и долженъ былъ вернуться обратно...

Другую же поѣздку туда я сдѣлалъ уже осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ того же года, и пришлось попадать въ эту мѣстность тогда съ другаго мѣста, а именно чрезъ Ембскую волость, Кадниковскаго уѣзда въ Чушевицко-Покровскую Вельскаго уѣзда и затѣмъ чрезъ Морозовскую въ Тавреньгу. Отъ крайней деревни Кадниковскаго уѣзда—Исаковской—до мѣстности, называемой «Монастырекъ» (гдѣ дѣйствительно прежде былъ монастырь—Верхопежемскій) Вельскаго уѣзда волокъ считается 18 верстъ и дорога до того убійственная, что нѣтъ никакой возможности усидѣть въ тарантасѣ (то колодина, то яма на каждомъ шагѣ), и намъ весь волокъ пришлось идти пѣшкомъ, да и на бѣду случилось это темною ночью, отчего то и дѣло падали и спотыкались, а когда пріѣхали въ первую деревню Монастырька, то оказались оба съ ямщикомъ и въ грязи, и въ водѣ,—«нитки сухой», что называется не было на насъ. Ночевавши въ деревнѣ, по утру я отправился къ мѣстному священнику, который любезно принялъ меня и даже показывалъ мнѣ церковныя древности.

Верхопежемскій монастырь (теперь приходская церковь) заключаетъ въ себѣ двѣ деревянныя церкви: холодную для лѣтней службы и теплую, т. е. съ печкою ¹⁾,—для зимней. Обѣ церкви, какъ и колокольня, стоятъ отдѣльно и расположены на берегу рѣки Пежмы и обнесены оградой. Войдя въ одну изъ церквей меня поразила живопись на иконахъ, такой живописи я никогда и нигдѣ не видалъ, такъ она древняя и не похожа на современную. Будь я фотографъ, непременно снялъ бы копіи съ иконъ, что имѣло бы цѣнность для Императорскаго Археологическаго Общества. Кромѣ живописи, надо сказать, есть и другіе предметы, рѣдкостные и важные для археологін, напр., вериги строителей монастыря, церковныя сосуды и т. п.

Изъ Монастырька я отправился въ Олюшино, дорога куда тоже гряз-

¹⁾ Замѣчательно, что печка въ церкви была еще въ царствованіе Екатерины II изъ глины и безъ трубы, какъ видно изъ мѣстныхъ архивныхъ бумагъ.

ная, но одно хорошо — нѣтъ колоднику и ямъ, а потому не тряско ѣхать. Въ Олюшинѣ остановился на земской станціи, у сыновей бывшаго предсѣдателя управы, и по обстановкѣ дома видно, что нѣкогда хорошо жилось здѣсь... Собственно Олюшино—приходъ Морозовской волости, состоящій изъ 4-хъ деревень: Дорь, Бутышкино, Средняя (гдѣ я остановился) и Слудная. Возлѣ послѣдней деревни находятся двѣ церкви, одна каменная, другая деревянная, церкви очень небольшія. Былъ я у обѣдни—служба проиходила въ деревянной церкви,—гдѣ молящихся оказалось человѣкъ 10—12 только, и то почти однѣ старушки. Внутреннее устройство и украшеніе церкви очень бѣдно, начиная съ заплывшаго потолка, который къ тому же не выше 4-хъ аршинъ отъ полу и кончая иконостасомъ. Священникъ же высокаго роста и казался еще выше въ маленькомъ алтарѣ и должно быть очень ужъ поусердствовалъ на счетъ еиміама, а потому дымъ отъ ладана до того былъ густъ, что и самага-то священника еле было видно... Помолившись Богу, я отправился въ Лычно-Боровскую деревню, уже Тавренгской волости, куда опять пришлось ѣхать—22 версты—все лѣсами; и дорога, по увѣренію ямщика, была такъ грязна, что иначе, какъ на «тройкѣ» и не проѣхать. Дѣлать нечего, пришлось взять тройку лошадей, хотя и на парѣ вполнѣ можно бы проѣхать. На половинѣ волока есть такъ называемый «разбойный логъ», гдѣ, судя по преданію, прежде жили разбойники, въ числѣ 40 человѣкъ. Пытался было я найти слѣды ихъ жилищъ, но безуспѣшно—время все стерло.

Приѣхавши въ Лычно-Боровскую, я застаю тамъ цѣлую массу пьяныхъ мужиковъ, бабъ и разряженныхъ въ кумачныя кофты, пестрые сарафаны дѣвицъ, съ пѣснями расхаживающихъ по деревнѣ. Оказалось, что въ тотъ день въ деревнѣ былъ «пивной» праздникъ, деревня же, т. е. жители ея были зажиточные крестьяне и пива наварили цѣлое море, которое и требуетъ, по-вѣрно, не единичныхъ усилій его обсушить. Здѣсь каждый крестьянинъ сваритъ на пиво ржи 10—15 пудовъ и кромѣ того покупаетъ еще отъ $\frac{1}{4}$ до 1 ведра водки; всѣ эти напитки и истребляются населеніемъ окрестныхъ деревень. Дѣвицы на такіе праздники приходятъ большею частью для того, чтобы себя показать и жениховъ посмотреть, хоть не прочь иногда и «пригубить» какого нибудь изъ упомянутыхъ напитковъ, лишь при условіи, чтобы никто, кромѣ товаровъ, этого не видалъ. Къ такому празднику варится пиво каждымъ домохозяиномъ, хотя у него и не хватало бы хлѣба и для своего продовольствія, не варить же пива,—значитъ не уважать праздника, грѣшить противъ того святаго, день котораго чтутъ. Таковы понятія у населенія, такова сила обычая, стариками установленнаго!

Празднованіе пивомъ или сусломъ какого-нибудь дня бываетъ не только

въ честь того святого, но и въ ознаменованіе какаго-нибудь выдающагося въ жизни народа событія: мора людей или скота, чудеснаго избавленія отъ пожара, градобитія и т. п. Такіе праздники называются здѣсь или «можьбой» или «обѣщаннымъ».

Пріѣхавши въ с. Пономаревское я на этотъ разъ остановился въ волостномъ правленіи, дабы скорѣе получить кое-какіе статистическія свѣденія и не посредственно самому, а не чрезъ другое лицо, что мнѣ на этотъ разъ и удалось, благодаря удостовѣрительнымъ бумагамъ о цѣли посѣщенія мною этой мѣстности. Но, къ слову сказать, никакого содѣйствія мнѣ мѣстныя власти не оказывали, да я и не настаивалъ на этомъ и былъ благодаренъ имъ за то хотя, что не препятствовали въ собираніи свѣденій по этнографіи края.

Пособравши кое-что и сходявши въ дер. Якушевскую для осмотра «городка»,—рѣшилъ было ѣхать далѣе, но опять въ слѣдствіе худаго питанія заболѣлъ и пришлось остаться и ждать пріѣзда фельдшера, который уѣхалъ куда-то верстъ за 100. Къ счастью моему черезъ два дня пріѣхалъ въ Пономаревское докторъ изъ Вельска и привезъ съ собою не большую аптечку-сундучекъ съ медикаментами и помогъ мнѣ. 1-го октября, помнится, я выѣхалъ въ Хмельники, хотя докторъ и запрещалъ еще выѣзжать, рано-де, да и дорога въ Ширыханово по слухамъ была ужасна; къ тому-же, по увѣренію ямщика, около Ширыханова и Подюги медвѣдей такъ много, что ночью «волоками» положительно нельзя ѣздить, да и днемъ «опасно»... Кое-какъ дошелся таки и до Хмельниковъ и остановился ночевать опять въ д. Давыдовской. Говорю «кое-какъ» потому, что эту станцію я ѣхалъ чуть-ли не 10 часовъ, такъ какъ на пути сломалась ось у тарантаса, и пришлось перемѣнить лошадей въ дер. Пуминовѣ, гдѣ пока искали ихъ да пока смазывали телѣгу (тарантаса не оказалось въ деревнѣ), времени прошло не мало. Переночевавши въ Давыдовской, на утро я двинулся въ Нижнюю Подюгу, спѣша по лѣтней дорогѣ осмотрѣть мѣстность по р. Подюгѣ, дабы курганы и городища, о существованіи которыхъ я зналъ по разсказамъ жителей, не покрылись снѣгомъ. Дорога въ Нижнюю Подюгу идетъ все сосновыми борами и мимо Хмельницкую церковь, которая расположена на берегу р. Вель, на довольно красивой горѣ. Отъ церкви волокъ 16 верстъ, посреди котораго есть громадная гора, называемая «волоковая», спускъ съ коей тянется на $\frac{1}{2}$ версты, хотя и отлогс. Лѣсъ около дороги—исключительно сосновый, красивый; особенно выдается красотой сосновый же боръ передъ самою Подюгою: лѣсъ громадныхъ размѣровъ, и совершенно гладкія деревья, вѣтки раскинулись лишь на вершинѣ, что у пальмы; однимъ словомъ какъ настоя-

щій паркъ, тщательно оберегаемый и подчищаемый, хотя ни о какой подчисткѣ здѣсь не могло быть и рѣчи.

Деревня Дьявовская, гдѣ я остановился, расположена на берегу р. Подюги, въ котловинѣ; почти рядомъ съ этой деревней есть другая еще деревушка, противъ которой, на другомъ берегу рѣки—мѣстная приходская церковь, а затѣмъ все вокругъ громаднѣйшія горы, покрытыя вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ. Мѣстность эта чрезвычайно красивая и здоровая; невольно подумаешь: «вотъ гдѣ лечиться-то бы нашей интеллигенціи отъ грудныхъ и нервныхъ болѣзней?»... Такую живописную мѣстность трудно и встрѣтить, особенно у насъ на сѣверѣ: куда ни взглянешь,—картины такъ и прорисуются на полотно! Замѣчательно, что горы эти все имѣютъ форму сахарной головы, вверху нѣсколько усѣченной, и между горами есть весьма узкія и глубокія ущелья, точно на Кавказѣ, внизу же неизбежно журчить горный ручеекъ, и грунтъ земли твердый, каменистый; на такихъ ручейкахъ есть и меленки. Ни населенныхъ мѣсть, ни болотъ на полтора десятка верстъ въ окрестъ Нижней-Подюги нѣтъ; не даромъ и крестьяне «хвастаютъ» своимъ здоровьемъ: «мы не знаемъ болѣсти, разѣ што ушибешь, ну, заболить то мѣсто»... Жаль, если Удѣльное вѣдомство вырубить эти лѣса; тогда горы потеряютъ всю свою живописность, да и воздухъ будетъ уже не тотъ, не такъ здоровъ, какъ теперь.

Записавши и здѣсь кое-что изъ матеріаловъ и заказавъ сдѣлать мѣстному столяру модели хозяйственныхъ построекъ и домашней утвари, отправился далѣе, въ Верхнюю Подюгу. Дорога отсюда до дер. Николаевской идетъ все возлѣ рѣки Подюги, и на пути тоже ни одной деревни нѣтъ; горы же на всемъ протяженіи волока одна другой громаднѣе, изъ которыхъ есть даже такія, что съ возомъ на лошади одному человѣку ни спуститься, ни подняться почти не возможно, до того круги и высоки. Въ этомъ случаѣ крестьяне прибѣгаютъ къ слѣдующему способу; во-первыхъ, ѣдутъ этимъ волокомъ всегда артелями, если возы грузны, и во-вторыхъ, доѣхавши до такой горы, выпрягаютъ лошадей и возы спускаютъ на рукахъ, т. е. поддерживаютъ сани или телѣгу руками и тормоза ходъ экипажа какимъ-нибудь коломъ; спустивши такимъ манеромъ возы, ведутъ и лошадей туда же. Точно также и поднимаются сообща, подпирая къ каждому возу нѣсколько лошадей. О дорогѣ уже нечего и говорить, понятно, что она и зимою и лѣтомъ очень плоха на такихъ неровностяхъ. Приѣхавши въ Николаевскую—по пути осмотрѣлъ городище,—какъ уже во второй разъ, нѣсколько познакомившись, то сразу же нашлись и рассказчики, и я весь день и вечеръ тотъ занимался записываніемъ сказокъ. Однако, долго жить здѣсь нельзя было. такъ какъ

кромѣ молока и грибовъ никакой пищи не оказалось въ Николаевской, да и это бы еще ничего, еслибъ можно было достать чистаго ржанаго хлѣба, но его не было. Въ этотъ годъ по всей Верхней Подюгѣ былъ неурожай ржи, и населеніе питалось овсянымъ и на половину съ мякиною хлѣбомъ... Смотрѣлъ здѣсь и древности церковныя, изъ которыхъ особо примѣчательными являются деревянные вѣнцы, найденныя священникомъ въ церковной кладовой.

Изъ Николаевской я отправился опять въ злополучное Ширыханово. Дорога до Хмелеванской лѣтомъ идетъ все лѣсами, минуя д. Вельцы, и до того колодиста, такъ сказать, что большею частью пришлось весь волокъ — 27 верстъ—идти пѣшкомъ, нерѣдко по колѣни вязнуть въ грязи. Но какъ бы то ни было, все же, хотя и съ большимъ трудомъ, добрался наконецъ опять до Ширыханова и на этотъ разъ уже до крайнихъ деревень, гдѣ далѣе начинается уже Олонецкая губернія, попасть куда въ октябрѣ нечего было и думать.

Подъѣзжая къ деревнѣ Ржиново, я былъ страшно пораженъ бѣдностью постройки: вмѣсто домовъ какія-то килейки или истопки ¹⁾, полуразвалившіяся къ тому же; входъ въ эти строенія устроенъ по какимъ-то жердямъ вмѣсто крыльца; вмѣсто стеколъ въ крошечныхъ рамкахъ торчатъ бычачьи пузыри и т. п. Такой бѣдной, такой грязной деревеньки у насъ, на Сѣверѣ, при такомъ обиліи лѣсовъ, трудно найти, да подай, Господи, никогда не увидать подобной—ужасно тяжело видѣть такую нищету...

Когда мнѣ говорили въ с. Пономаревскомъ, что въ Ширыхановѣ сушатъ хлѣбъ на печкѣ, а молотятъ его на полу своей хижины, а мелютъ въ ступахъ и тоже въ избѣ, ибо ни гуменъ, ни мельницы завести, т. е. устроить не въ состояніи, то все это я принялъ тогда за шутку, но теперь, поглядѣвши на житье-бытье ширыхановцевъ, приходится отчасти повѣрить и этому. Остановиться въ Русиновѣ не у кого было, и мнѣ по неволѣ пришлось ѣхать къ мѣстному священнику на квартиру. Но и священнической домъ мало чѣмъ отличался отъ крестьянскаго, развѣ только тѣмъ, что въ избѣ было почище подметено да и самоваръ имѣлся, во всемъ же остальномъ—та же крестьянская изба. Есть тутъ и церковно-приходская школа, которая помѣщается въ церковной сторожкѣ, небольшой тоже килейкѣ. Напившись чаю у священника, я хотѣлъ было сразу же приняться за дѣло, но все мои старанія найти расканика оказались тщетны. Здѣсь, можно сказать, настоящіе дикари и

¹⁾ Истопка—лѣсная избушка.

такъ, по ихъ выраженію, «натыканы» мѣстнымъ начальствомъ, что въ каждомъ пріѣзжемъ вводятъ чиновника и при-томъ непремѣнно злого, отъ котораго надо идти прочь, въ лѣсъ куда-либо... Мнѣ нието не хочется вѣрить, чтобы я интересовался ихъ сказками или пѣснями и втихомолку говорятъ про меня, что это «тайная полиція», а потому никого я ни почему не могу созвать къ себѣ. Мой ямщикъ Боровиковъ звалъ было мимо шедшую старушку въ домъ священника, но оказалось, что вѣсть о моемъ пріѣздѣ дошла и до ея слуха, и она была такъ запугана мужиками своей деревни, что на-отрѣвъ отказалась зайти въ домъ, а между тѣмъ старушка эта ходитъ «причѣтницей» по свадьбамъ и, слѣдовательно, весь свадебный обрядъ и колдовство знаетъ отлично и для меня была бы полезна. Вотъ, подумаешь, при такихъ условіяхъ и работай. А сказочникъ Ефимъ изъ д. Горы тотъ еще лучше оказался: сначала сказался больнымъ, а потомъ, когда я подѣхалъ къ нему и послалъ ямщика узнать: не расскажетъ-ли чего-либо?, то онъ чуть не «отдулъ» его, завричалъ, чтобы и близко къ дому не подходили... «Что, думаю, за чертовщина такая, за что такъ озлились на меня ширыхановцы? Почему они принимаютъ меня за агента тайной полиціи и причѣмъ тутъ полиція?» Спрашиваю ямщика, который и разъяснилъ. Дѣло оказывается въ томъ, что не задолго до моего пріѣзда крестьяне обокрали общественный магазинъ, весь запасной хлѣбъ вытаскали, о чемъ и велось слѣдствіе, но виновныхъ въ этомъ заглушьи не скоро сыщешь: ширыхановцы ни за что одианъ другаго не выдаютъ, живутъ «всѣмъ міромъ». Вотъ почему они и приняли меня за агента полиціи. Да на что лучше: и жена священника — «попадья» — тоже считала меня за сыщика, какъ въ послѣдствіи узналъ я. Послалъ, разъ, за старостою, думая, что тотъ найдетъ мнѣ какого нибудь расканика, но сказали, «дома нѣтъ», что равносильно тому, что «спрятался-де». «Чортъ знаетъ что это такое, выругался я про себя, изъ-за такой ерунды да хоть бросай все дѣло, а мѣки-то сколько принялъ, ѣхавши сюда!» Но мало по малу взглядъ на меня со стороны населенія поизмѣнился, и какой-то Терѣха пришелъ ко мнѣ и поразказалъ кое-что, а за нимъ и другіе...

Однако, здоровье мое въ Ширыхановѣ опять поразстроилось, въ слѣдствіе дурнаго питанія, да и простудился еще къ тому же, промочивши ноги, и надо было выбираться поскорѣе изъ этой глуши, медицинской помощи ждать здѣсь нечего: одна надежда на Бога. Дѣлать нечего, собрался въ обратный путь, но въ Хмелеванской еще пришлось остановиться на два дня, во-первыхъ потому, что матеріаловъ оказалось много, да и свадьба случилась тутъ, которую мнѣ хотѣлось лично видѣть, во-вторыхъ я не могъ идти пѣшкомъ, будучи боленъ, а въ тарантасѣ нѣтъ возможности высадѣть такой волюкъ, какъ 27

версть и то колодистою дороговъ. Рѣшилъ ждать снѣгу и по санному пути уже ѣхать. Къ счастью моему черезъ день или два дѣйствительно выпала глубокая пороша снѣгу, и я немедленно отправился на Подюгу и далѣе въ Хмельники, дабы выбраться по порошѣ домой, опасаясь, чтобы не растаяла, и не застрясть бы въ Ширыхановѣ на долго.

Но дѣлаю не большое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о степени богатства того края: въ Хмелеванской мнѣ нужно было расчитаться за квартиру и подводы, а денегъ мельче 10-ти рублевой бумажки не было, которую никто не могъ во всей деревнѣ размѣнять до Боровиковъ—содержатель станціи—говорить, что и во всей волости (приходѣ) не найти здѣсь десяти рублей, а «вотъ въ Подюгѣ тамъ ужъ размѣняютъ, потому народъ тамъ богацѣ нашево»... Какого же было его удивленіе, когда онъ три деревни и тамъ обходилъ съ этой бумажкой, и никто не могъ размѣнять? Нашелся было одинъ крестьянинъ и похвастался, что я размѣняю-де, но, придя домой, посчиталь, посчиталь свои деньги—не хватаетъ 3-хъ руб. къ десятку да и баста! Спасибо мѣстному священнику, тотъ уже размѣняль, а то хоть плачь и съ деньгами, да и у священника, острять подюжане, нашлась такая сумма потому, что недавно еще поступилъ сюда на мѣсто, не успѣль еще обнищать.

Но вотъ опять я въ Хмельникахъ, гдѣ прежде всего отправился въ мѣстную часовню, въ которой по слухамъ хранились такія древности, какъ холщевыя ризы, и мнѣ хотѣлось посмотреть ихъ. Часовня эта, какъ и многія другія, здѣсь никогда не запирается, хотя скопляется тутъ иногда порядочно и денегъ, но народъ нашъ сѣверный настолько нравственъ и богобоязненъ, что о кражѣ чего-либо изъ часовни не можетъ быть и рѣчи. Холщевыхъ ризъ, однако, я не видѣль въ часовнѣ; онѣ будто бы взяты въ мѣстную церковь; иконы въ часовнѣ дѣйствительно есть древнія, да еще восковой подсвѣчникъ, вотъ и все, что я видѣль достопримѣчательнаго тутъ. Выйдя изъ часовни, ходилъ въ поле и осматрѣль тамъ курганы, называемыя здѣсь «пунки». Затѣмъ послалъ за двумя охотниками—«Блинникомъ» и «Лискичемъ», по прозвищамъ — но ни тотъ, ни другой по первому зову не явились, хотя я обѣщаль заплатить имъ поденщину. Содержатель станціи говорить, что боялся придти ко мнѣ, такъ какъ «понаслышали», что я буду ихъ спрашивать о заговорахъ и о прочемъ, а сказать опасается, какъ бы худа не вышло. Посылаю вторично за Лискичемъ и самого содержателя станціи, которому и удалось уговорить его придти ко мнѣ, такимъ образомъ и пошло дѣло на ладъ.

Во всей этой мѣстности народъ до того скрытенъ и забить, что съ

большимъ трудомъ иногда добьешься того хотя, чтобы сказали названія-то живыхъ урочищъ. Если бы не содержатели станцій, которые болѣе или менѣе уже «пообтѣрлись», по ихъ собственному выраженію, то ничего не собрать изъ этнографическихкихъ матеріаловъ.

Пособравши кое-что въ Хмельникахъ, я отправился въ Пономаревское и по дорогѣ туда заѣзжалъ въ деревню Першенскую, гдѣ у одного крестьянина хранился чудской топорикъ, каковой и приобрѣтенъ мною. Въ с. Пономаревскомъ я опять жилъ нѣсколько дней, но затѣмъ успѣшилъ уже вернуться домой, такъ какъ здоровье мое не въ шутку стало очень плохо. Приѣхалъ домой около 20 октября совершенно разбитый и усталый, такъ что двѣ недѣли хворалъ послѣ этой поѣздки.

Представляя теперь свой слабый трудъ на судъ читающей публики, льщу себя надеждою, что гг. ученые этнографы не осудятъ меня строго за всѣ тѣ промахи, неточности и за топорность, такъ сказать, изложенія, принимая во вниманіе, что собиралъ я эти матеріалы успѣшно въ силу необходимости, будучи больнымъ да и полуголоднымъ...

А. Шустиковъ.

ТАВРЕНЬГА.

Тавреньга, собственно говоря, одна из волостей Вельскаго уѣзда, Вологодской губернии. Въ географическомъ отношеніи она занимаетъ юго-восточную часть этого уѣзда и съ одной стороны граничитъ съ мѣстностью, извѣстною подъ именемъ «Троичины», Кадниковскаго уѣзда, а съ другой — съ Каргопольскимъ уѣздомъ, Олонекской губ. и наконецъ съ остальными волостями Вельскаго уѣзда.

Тавреньга раскинута на протяженіи 130—140 верстъ, такъ, напр., отъ крайней деревни съ юго-запада (Заболого) до крайней деревни этой волости съ сѣверо-востока (Ерцево) считаютъ, такъ называемой «проселочной» дорогою 130 верстъ, не говоря о границахъ земельного владѣнія съ той и съ другой стороны. Въ прежнее время, до учрежденія волостей, когда были еще вмѣсто ихъ «приказы», Тавреньга была еще обширнѣе: къ ней причислена была еще дѣлая мѣстность, составляющая въ настоящее время Есютинскую, Морозовскую и Пежемскую волости, Вельскаго же уѣзда.

Нечего говорить о томъ, что климатъ въ данной мѣстности, какъ и во всей Вологодской губернии, очень суровый, что, думается, каждому извѣстно. Во всякомъ случаѣ скажемъ, что 30—40° мороза здѣсь — явленіе обычное по зимамъ. Розливъ рѣкъ бываетъ въ первыхъ числахъ мая, но это далеко еще не весна... Теплая погода иногда начинается лишь съ 1-го іюня.

Теперь обратимся къ статистикѣ.

Населеніе Тавренгской волости состоитъ изъ 2,474 рев. душъ, а наличныхъ по свѣдѣніямъ мѣстнаго волостнаго правленія считается 6,662 чел., въ томъ числѣ мужчинъ 3,275 чел., женщинъ 3,387 чел. Дворовъ въ волости 1,076. Сельскихъ обществъ 6-ть, а именно: Тавренгское, Завельское, Хмельницкое, Верхне-Подюжское, Нижне-Подюжское и Ширыхановское. Число селеній 53, которыя распредѣляются по обществамъ такъ: въ Тавренгскомъ обществѣ 16 селеній, въ Завельскомъ 14, въ Хмельницкомъ 10, въ Верхне-Подюжскомъ 5, въ Нижне-Подюжскомъ 3 и въ Ширыхановскомъ 5-ть ¹⁾.

Церквей съ постоянною службою (приходскихъ) 5, изъ которыхъ 2 каменные, а остальные 3 деревянные. Одна изъ деревянныхъ церквей—Покровско-Ширыхановская—считается народомъ за самую древнюю церковь во всемъ уѣздѣ, но это подлежатъ сомнѣнію. Кроме того есть еще, такъ сказать, временныя церкви, гдѣ служба бываетъ лишь въ извѣстные дни года, раза 3—4 въ годъ. Такая церковь, напр., есть въ Верхне-Подюжскомъ приходѣ при дер. Вельцевской; устроена она во имя явленной иконы св. Николая Чудотворца; служба бываетъ въ ней 4 раза въ годъ. Церковь эта довольно большаго размѣра и построена уже очень давно, но, къ сожалѣнію, годъ основанія ея, какъ и многихъ другихъ церквей на Сѣверѣ Россіи, обыкновенно неизвѣстенъ. Разсказываютъ, что было дѣлаемо нѣсколько попытокъ сдѣлать эту церковь приходскою, и однажды ходатайство крестьянъ дер. Вельцевской было уже близко къ удовлетворенію: отведена была и земля въ надѣлъ будущему приходу, а крестьяне построили уже и дома для священно-церковно-служителей, но вскорѣ послѣ

¹⁾ Названія ихъ помѣщаемъ въ отдѣлѣ «живыхъ урочищъ».

того вышло распоряженіе правительства о сокращеніи причтовъ, и по сему открытіе вновь прихода здѣсь не разрѣшено.

Такая же съ временною службою церковь есть и въ дер. Зеленой и тоже въ честь явленной иконы. Объ явленіихъ той и другой изъ этихъ иконъ будетъ сказано нами въ отдѣлѣ преданій.

О началѣ заселенія данной мѣстности никакихъ письменныхъ актовъ не имѣется, а равно не имѣется и устныхъ преданій, болѣе или менѣе вѣрныхъ. Говорятъ про ту или другую деревню, что сначала поселилось въ ней столько-то человекъ, или: «старики наши запомнятъ, что въ N было только 3 дома, а нонѣ вотъ ужъ 30» и—только, но когда случилось поселеніе и по какому случаю* и кто именно впервые поселился,—преданіе въ большинствѣ случаевъ умалчивается. Но, между прочимъ, мы должны оговориться здѣсь, что между преданіями есть и таія, что встрѣчаются въ разныхъ деревняхъ и по сходству между собою являются какъ бы признаками правды. Такъ, напр., въ дер. Зеленой пишущему эти строки рассказывали, что въ очень древнія времена сослано было въ Тавреньгу изъ г. Бѣлозерска, Новгородской губ., три человекъ, которые и были первыми колонизаторами давней мѣстности. Другое преданіе, записанное въ с. Пономаревскомъ, говоритъ объ этомъ такъ: Въ древнее время пріѣхали изъ Бѣлозерска въ Тавреньгу три князя управлять Чудью и всѣмъ народамъ, ранѣе ихъ поселившимися здѣсь. По пріѣздѣ своемъ князья эти застѣли: одинъ, по фамиліи Шестаковъ, въ 6-ти верстахъ отъ нынѣшней деревни Зеленой, отчего и до сихъ поръ то мѣсто, гдѣ онъ будто бы жилъ, зовется «шестаковымъ пенникомъ» я замѣтны слѣды пашни, хотя на немъ выросъ уже громаднхъ раздѣровъ лѣсъ. Другой изъ этихъ князей, по фамиліи Стоговъ, поселился близъ мѣстности Олюшина, Морозовской волости, составлявшей тогда, какъ уже сказано, въ административномъ отношеніи одну единицу съ Тавреньгой, если въ то время существовала здѣсь какая-либо администрація. Третій изъ нихъ—Распопа—поселился около с. Пономаревского.

Шестакова считаютъ основателемъ деревни Зеленой, въ послѣдствіи, когда умеръ Шестаковъ, переселившейся на теперешнее мѣсто.

У всѣхъ трехъ изъ этихъ поселенцевъ, которыхъ народъ почему-то называетъ князьями, были обширныя владѣнія, въ смыслѣ захвата земли, что уже видно по одному тому, что чуть не по всей мѣстности встрѣчаются живыя урочища, ихъ именемъ, т. е. фамиліею, названныя и удержавшія свое названіе до нашихъ дней. Что за люди были эти поселенцы и что ихъ понудило повинуть Бѣлозерскъ п поселиться здѣсь?—преданіе умалчиваетъ, но что это были не первые колонизаторы данной мѣстности, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, судя по преданіямъ и находкамъ. Мы склоняемся къ тому, что аборигенами Тавреньги былъ народъ, извѣстный подъ именемъ Чуди и лишь въ послѣдствіи русскіе поселились здѣсь, отчасти вытѣснили ихъ далѣе на сѣверъ, какъ говорится здѣсь «въ Корелу», отчасти же слились такъ сказать съ ними. Къ этому убѣжденію насъ приводитъ во-первыхъ многочисленныя преданія о пребываніи здѣсь Чуди, а во-вторыхъ и самыя названія живыхъ урочищъ, каковыя названія, не русскаго происхожденія, начная, напр., съ самаго названія мѣстности «Тавреньга», далѣе рѣчки: «Кырычинга, Кварзанга, Шепчуга, Сивзеннга» и т. д. Жители дер. Прилуку, Завельскаго общества, до сихъ поръ называются здѣсь «Чудями», потомками прежней Чуди, да судя по наружности, а равно и по образу жизни ихъ, рѣзко отличающемуся отъ жителей прочихъ деревень, пожалуй, и повѣрить этому можно. Достаточно сказать, что они до сихъ поръ занимаютъ земледѣліемъ, какъ говорится: «тавь-себѣ», «на йду», т. е. для своего пропитанія—только, предпочтая ему охоту, которою занимаютъ съ любовью и положительно всѣ мужчины отъ «мала до велика», но что всего характернѣе—охотю на пушнаго звѣря (въ особенности на медвѣдя), охоту же за дичью—на рябчиковъ и тетеревою—считаютъ не выгодною и унижительною для себя. Между тѣмъ,

какъ это мы увидимъ ниже, жители всѣхъ остальныхъ деревень данной мѣстности занимаются исключительно земледѣльемъ, около земли «промышляютъ».

Обратившись къ описанію наружности какъ Прилучанъ, такъ и остальныхъ жителей Тавреньги (исключая Ширыханова, гдѣ опять своеобразный типъ жителей), мы еще большую разницу замѣтимъ между ними. Начать съ того, что Прилучанинъ—роста высокаго, а житель другихъ деревень—средняго, даже, пожалуй, нѣсколько ниже средняго. Голова у Прилучанина большая, нѣсколько сплюснутая со лба къ затылку,—у прочихъ же голова средняго размѣра, круглая и съ прямымъ лбомъ. Глаза у Прилучанъ открытыя, большіе, сѣро-зеленаго, такъ сказать, цвѣта, тогда какъ у прочихъ въ большинствѣ случаевъ каріе и хотя встрѣчаются сѣрые, но съ голубымъ отливомъ. Волосы у Прилучанъ темныя, у прочихъ—русые, даже нѣсколько рыжеватыя. Бороду носятъ Прилучане узкую и длинную, но волосы на ней рѣдкіе, у прочихъ же борода широкая и густая. Носъ у Прилучанина большой, нѣсколько клювомъ, у прочихъ умѣренный и прямой или сдвнутый къ верху—«куроносъ». Верхняя челюсть у Прилучанина рѣзко выдается впередъ.

Отличительными признаками того и другаго типа можно отмѣтить еще то, что у Прилучанъ слишкомъ длинны ноги, сравнительно съ туловищемъ, а у прочихъ наоборотъ: не соразмѣрно длинно туловище, въ особенности животъ, отчего всѣ вообще «таврежана» носятъ клычку въ другихъ мѣстахъ узда «брюханы» и «векшефды». Еще можно упомянуть о нѣкоторомъ различіи въ держаніи себя при разговорѣ Прилучанина и Таврежанина: Таврежанинъ говоритъ спокойно, даже лѣнливо, Прилучанинъ же при разговорѣ ежeminутно жестикулируетъ, размахивая руками. Признаками красоты женщины считается какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ бѣлизна лица, дородство и русые волосы. Последніе воспеваются въ многочисленныхъ пѣсняхъ и причетахъ, напр., «росщени-ко, батюшко, русое волосыцѣ!...», а иногда и прямо говорится «животое», но ни въ какомъ случаѣ не черное.

Типъ же Ширыхановцевъ, вообще какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, красивый. Они въ большинствѣ случаевъ высокаго роста, съ правильными чертами лица, черноглазые, но только съ явною печатью недоѣданія на лицѣ. Особо выдающейся какой-либо части тѣла не замѣтно. Ихъ можно сравнить съ новгородцами, но какъ бы одыгавшимися, если позволительно такъ выразиться. Говоръ ихъ—смѣсь важскаго съ олонечскимъ: говорятъ они нараспѣвъ, какъ и ваганы, «цѣкаютъ» также, какъ и олонечцы...

Средства къ жизни населенія.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію средствъ къ жизни мѣстнаго населенія, считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о землевладѣніи въ данной мѣстности.

Всѣ по-западѣльные земли (исключая Ширыхановскаго общества, гдѣ жители—бывшіе государственные крестьяне), принадлежатъ здѣсь Удѣльному вѣдомству; частнаго землевладѣнія въ мѣстности, какъ, впрочемъ, и во всемъ Вельскомъ уѣздѣ, почти нѣтъ, если не считать той горсти частныхъ владѣльцевъ, купившихъ отъ Удѣльнаго же вѣдомства такъ называемыя «полевые круги», заключающіяся въ нѣсколькихъ десятинахъ пахотной земли. О томъ, что такое «полевой кругъ», считаемъ тоже нужнымъ пояснить. Во время крѣпостнаго права Удѣльное вѣдомство, ради обезпеченія крестьянъ въ продовольствіи на случай неурожая хлѣбовъ, наръзало по каждому обществу, чуть-ли не по каждой деревнѣ небольшое количество земли («кругъ») для общественной запаски, и снятый съ такихъ круговъ хлѣбъ ежегодно поступалъ въ запасные магазины общества. Съ уничтоженіемъ же крѣпостничества и съ отводомъ по 7 десятинъ на душу крестьянамъ въ надѣлъ земли, круга эти Удѣльное вѣдомство оставило за собою, а впоследствии и продало ихъ въ личную собственность желающимъ, обыкновенно мѣстнымъ «богачамъ» крестьянскаго же сословія.

Теперь приступимъ къ описанію средствъ въ жизни.

Главнѣйшими изъ средствъ къ жизни мѣстнаго населенія являются: хлѣбопашество, скотоводство, луговоеводство и огородничество, льноводство и рыболовство и, какъ промыслы, дающіе средства для уплаты разныхъ повинностей, извѣстны здѣсь: охота (по мѣстному «лѣсованію»), рубка и возка лѣсу и сдирка скалы.

а) Хлѣбопашество.

Хлѣбопашество въ данной мѣстности занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ промысловъ, дающихъ средства къ жизни и уплатѣ разнаго рода повинностей, но сѣется главнѣйш образомъ лишь рожь и овесъ, отчасти только горохъ и ячмень. Рожь и овесъ въ совокупности занимаетъ $\frac{9}{10}$ всей засѣваемой площади. Система хозяйства здѣсь, какъ и всюду на Сѣверѣ, трехпольная. Обработка почвы производится сохою и бороною, которыя замѣчательны лишь тѣмъ, что своею конструкціею они едва ли не древнѣе всякаго княжескаго рода. О плугахъ или даже объ усовершенствованной сохѣ или борошѣ крестьяне не имѣютъ и понятія. Почва въ Тавренѣхъ не одинакова по обществамъ; такъ, напр., въ Тавренгскомъ и Хмельницкомъ обществѣ очень хорошая, а въ прочихъ—«такъ себѣ», но всюду требуется очень много хорошаго навознаго удобрения, дабы получить и хорошій урожай. На хорошо «сдобренной» землѣ, напр., рожь родится здѣсь сама 8—10, а иногда и сама 12-я, тогда какъ безъ удобрения она не родилась бы и въ половину того.

Посѣвъ яроваго бываетъ около 10—20 мая, вслѣдъ по оттаяніи земли, когда будетъ возможность вспахать полосу. Осимое сѣется между 10—25 іюля мѣсяца, но при этомъ руководствуются слѣдующею примѣтою: когда летающіе мураши (муравьи) будутъ довольно крупны и числомъ ихъ будетъ много—самая настоящая пора сѣва, по замѣчанію мѣстныхъ агрономовъ.

Жатва хлѣбовъ начинается, какъ только созрѣютъ зерна, но въ Ширыхановѣ жнутъ и рожь, не дожидая полной зрѣлости, во избѣжаніе вызабанія хлѣбовъ. Вообще жатва происходитъ отъ 10-го августа до 1-го сентября.

Молоченье начинается тотчасъ же по окончаніи жатвы, а иногда и во время ея. Последнее бываетъ тогда, что называется «размокрогодилось», и въ данномъ случаѣ, чтобы не сгнилъ хлѣбъ, его сейчасъ же убираютъ съ полей въ гумна, гдѣ, въ овинахъ, усиленно сушатъ и обмолачиваютъ.

Мелютъ всегда на своихъ мѣстныхъ водяныхъ мельницахъ, въ которыхъ недостатка здѣсь нѣтъ, такъ какъ рѣчекъ и ручьевъ здѣсь множество. Изъ мельницъ особо-примѣчательными по своему оригинальному устройству являются на р. Подюжѣ «мельницы-колотушки» (крупянки). Устройство ихъ таково: устанавливаются въ рѣкѣ 4 столба, скрѣпленные брусами; между столбами кладется деревянный валъ съ нѣсколькими шипами на немъ, къ одному концу этого вала—что къ рѣкѣ—прикрѣпляется колесо. Подъ валъ кладутся на камняхъ или деревѣ 2 ступи, отъ которыхъ идутъ 2 песта, тоже съ шипами—и вотъ все ихъ устройство. Колесо вертится вмѣстѣ съ валомъ, шипы послѣдняго задѣваютъ за шипы пестовъ и поднимаютъ песты на извѣстную высоту; затѣмъ шипы расходятся, песты падаютъ и ударяютъ своими концами въ ступу съ зерномъ, и такимъ образомъ получается крупа. Такая мельница сверху покрывается тескомъ, но съ боковъ столбы не обшиваются ничѣмъ. Во время разлива рѣки ступы снимаются, а колесо прикрѣпляется къ землѣ коломъ, дабы не вертѣлось—и мельница убрана. Устраиваютъ ихъ на самой «быстротѣ», чуть-ли не посреди рѣки, напр. при дер. Вельцевской, Верхне-Подюжскаго общества, какъ видно изъ прилагаемаго наброска.

Само собою, разумѣется, подобныя меленки могутъ удовлетворить лишь одну деревню, да и то смолотъ зерно на крупу сомнительнаго качества, но за то не дорого и стоитъ ея устройство: 5—6 руб. только.

Тавреньга вообще изобилует хлѣбомъ (исключая Ширыхановскаго и отчасти Верхне-Подюжскаго обществъ) и считается житницей остальныхъ волостей своего уѣзда, а равно Кадниковскаго и даже Каргопольскаго, Олонец. губ. Въ одинъ Кадниковскій уѣздъ на мѣстные пристани Тавреньга ежегодно отпускаетъ десятки тысячъ пудовъ зерна, преимущественно овса. Рѣдкій крестьянинъ не продастъ въ зиму 50—100 пудовъ ржи или овса, а нѣкоторые (напр., собственники «полевыхъ круговъ») продаютъ по 500 и болѣе пудовъ. Такой излишекъ хлѣба объясняется не тѣмъ, чтобы земля въ данной мѣстности была ужь очень плодородна, а главнымъ образомъ потому, что население очень трудолюбиво и старается около землицы, холить и удабриваетъ ее такъ, какъ, пожалуй, нигдѣ и никто. Удобрениемъ служить здѣсь еловая хвоя, которая ежедневно постигается подъ скотъ и, подпრѣвая подъ нимъ, образуетъ отличное удобрение для полей. Каждый заботливый хозяинъ ежегодно срубаетъ и привозитъ такой хвой для своего двора не менѣе 100 возовъ. Нерачителя къ земледѣлю всачески здѣсь осмѣиваютъ, напр. если крестьянинъ запустилъ, не вспахалъ полосу, то его сосѣди, въ какой-нибудь праздникъ, подъ хлѣбкомъ, не преминуть посмѣяться надъ нимъ, скажутъ: «Що, братъ, Петруха (или кто иной), сталъ, видно, разживаться, — земли отъ смиянъ стало оставаться?»... Эта насмѣшка, эта колкость всегда попадаетъ, какъ говорится, «не въ бровь, а въ самый глазъ» и сопровождается взрывомъ хохота со стороны постороннихъ, и такой нерачитель Петруха конечно на будущее время нѣ-за одного самолюбія не оставитъ не вспаханной полосы.

Продуктами хозяйства большинство крестьянъ пріобрѣтаетъ средства не только къ жизни и уплатѣ повинностей, но и на пріобрѣтеніе предметовъ роскоши и «вышивку». Положить, потребности крестьянъ до того малы, что держась буквального смысла словъ, предметовъ роскоши и не существуетъ въ данной мѣстности. Напр. купить на штаны 3 аршина какого-нибудь трека въ 20—25 к. за аршинъ—здѣсь уже предметъ роскоши, а не необходимость, но это едва-ли можно отнести къ предметамъ роскоши...

Въ Верхне-Подюжскомъ обществѣ неурожай хлѣба бываетъ, но только всегда послѣ дождливой осени, такъ какъ мѣстность эта весьма гориста, и водою размываетъ почву, а слѣдовательно и удобрительные соки стекаютъ въ рѣку; это съ горь; что-же касается низменныхъ мѣстъ въ поляхъ, то ихъ въ такое время заноситъ пескомъ. Такъ или иначе, словомъ, въ такое время рожь или не родится вовсе, или родится очень плохую. Яровые хлѣба въ сказанномъ обществѣ тоже не всегда удаются хорошими, но неурожай послѣднихъ бываетъ отъ диаметрально противоположной причины, а именно отъ засухи весною или лѣтомъ. Когда пишется этотъ очеркъ, то въ Верхне-Подюжскомъ обществѣ рожь уродилась такъ плоха, что многіе крестьяне не сжали ее, и населенію грозилъ голодъ, но мѣстное земство выручило его. Причина неурожая—сырая осень 1893 г.

Что-же касается Ширыхановскаго общества, то, должно сказать, земля тамъ очень-бы удобна для пахоты по своему плодородію, но бѣда здѣсь въ томъ, что въ близости полей находится масса озеръ, озерковъ и болотъ, отчего хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ выязаетъ, когда буквально весь, когда часть его. Но въ этотъ годъ, напр. 1894—урожай хлѣба тамъ былъ хорошій потому, что прошлогодняя осень стояла теплою, да и лѣто сего 1894 года было тоже теплое, безъ заморозковъ, а это для ширыхановцевъ такое счастье, какого они въ 10 лѣтъ лишь однажды видятъ, испытываютъ его. По крайней мѣрѣ такъ рассказываютъ, что полный урожай хлѣба бываетъ тамъ нѣзъ девяти лѣтъ въ десятый, т. е. въ теченіи 9-ти лѣтъ хлѣбъ тамъ или вовсе выязаетъ или часть его, лишь въ одинъ годъ нѣзъ десяти родится онъ полный. Отъ такихъ частыхъ неурожаевъ населеніе дошло до крайней степени обѣднѣнія, и за этимъ обществомъ числится громадная сумма недоимки, пополнить которую они едва-ли когда-либо будутъ въ состоявіи. Напр. по одной продовольственной ссудѣ недоимки въ губернской продовольственный капиталъ числится за обществомъ по 10-е

октября 1894 г. (165 рев. душъ) 2727 руб., болѣе чѣмъ по 16 руб. 30 коп. на каждую душу¹⁾, не говоря о другого рода недоимкахъ и частныхъ долгахъ...

На этомъ мы и кончимъ говорить о хлѣбпашествѣ.

б) Скотоводство.

Скотоводствомъ занимаются здѣсь по столько, по сколько оно необходимо для хозяйства каждаго домохозяина, т. е. по количеству распашки опредѣляется и количество скота, ибо содержится скоть въ данной мѣстности исключительно для накопленія навоза, дабы удобрить землю. Конечно, очень часто бываетъ и то, что вслѣдствіе бѣдности хозяина, скота содержится и менѣе того количества, чѣмъ-бы ему слѣдовало по его участку земли.

Вообще-же скоть является мѣриломъ крестьянскаго благосостоянія въ мѣстности: чѣмъ болѣе скота у N., тѣмъ лучше у него удобряется земля, а слѣдовательно лучше родится и хлѣбъ, и—наоборотъ.

Разводятъ здѣсь лошади, коровы, овцы и частію свиньи, но послѣднихъ разводятъ очень мало, лишь одни богачи. Обыкновенно зажиточный (не богатый и не бѣдный) крестьянинъ имѣетъ здѣсь отъ 10 до 15 коровъ, 2 лошади и до 20 шт. овецъ. Но это далеко не то, что мы привыкли подъ этими цифрами понимать: скоть здѣсь до того плохъ, мелкоросль, что едва-ли можно гдѣ-либо и встрѣтить такого; не выдавший такого скота всегда приметъ здѣшнюю самую большую корову за теленка, да и то, выражаясь по мѣстному, «перяженьково».

Достаточно сказать, что отъ 10 коровъ — чему даже трудно повѣрить—шасла здѣсь не поступаетъ въ продажу и фунта, его еле хватаетъ только для своей семьи, хотя живутъ крестьяне болѣе чѣмъ скромно и $\frac{3}{4}$ года постятся. Причина такого плохаго состоянія скотоводства кроется, по нашему мнѣнію, въ томъ, что кормить коровъ исключительно соломою и, какъ роскошь лишь, если изрѣдка дадутъ по зимамъ солому съ сѣномъ, что называется «тряску», а потому коровы зимою буквально еле ноги передвигаютъ, а часто и совсѣмъ околѣваютъ. Да и лѣтомъ, по плохому состоянію скотскихъ выгоновъ, скоть немного поправится отъ зимней голодовки, такъ какъ выгонныя тѣста болѣею частью или боровыя или болотистыя и такъ или иначе безтравны. Лошадей и овецъ хотя кормятъ сѣномъ, но послѣднее не имѣетъ достаточнаго количества растительныхъ соковъ, а потому—мало питательно.

Въ слѣдствіе такихъ причинъ и самая порода скота выработалась путемъ естественнаго приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ жизни въ какую-то особую, если позволительно такъ выразиться, въ «навозную» породу. Бываютъ исключенія (у богатыхъ крестьянъ) изъ этого опредѣленія относительно лошадей и свиней, но, что касается коровъ, то это опредѣленіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ подобному типу скота: они, какъ уже сказано, мелкорослы, коротки, тощи, вымя почти не замѣтно, но животъ чуть не по землѣ волочится!

Средняя стоимость рабочей лошади здѣсь 30 руб., коровы 8—10 руб., овцы 3 руб. и свиньи 5 руб. Изъ однихъ этихъ цифръ уже можно судить о качествѣ и доводствѣ скота...

в) Луговое хозяйство и огородничество.

Имѣя въ виду, что всѣ по-занадѣльные земли принадлежать здѣсь или удѣльному или казенному вѣдомству, то луговое хозяйство занимаются крестьяне не съ тѣмъ усердіемъ и любовію, какъ въ другихъ мѣстахъ губерніи; напр., хотя-бы въ Кадня-

¹⁾ Свѣдѣнія эти получены изъ мѣстнаго волостнаго правленія.

ковскомъ уѣздѣ. Тамъ, т. е. въ Кадниковскомъ уѣздѣ, каждый крестьянинъ всѣми силами старается во 1-хъ приобрести какой-нибудь клочекъ сѣнокошной земли, «пожену» и, приобретя, расчищаетъ его «для себя», холить его какъ малое дитя. Не то здѣсь: купить крестьянину какой-нибудь клочекъ земли для сѣнокоса невозможно, такъ какъ продажи земель нѣтъ, расчищать-же арендуемые участки не хочется, «потому—не свои», говорятъ крестьяне, — «сево году я арендую, а на-прокъ (на будущій годъ) Богъ знаетъ кто его возьметъ»... Неудивительно поэтому, что здѣшній крестьянинъ равнодушенъ къ расчисткѣ сѣнокошъ, и послѣдніе заростають годъ отъ году. Правда, удѣльное вѣдомство въ послѣднее время отдаетъ годные для пашни или сѣнокоса участки земли въ долгосрочную аренду, и крестьяне охотно берутъ ихъ съ обязательствомъ расчистить, но мы должны сказать, насколько это намъ известно, что берутся такіе участки крестьянами болѣе для «лѣску» и для новинъ, т. е. подсѣвъ, но о расчисткѣ мало думаютъ они. Новины сначала засѣваютъ рожью, а потомъ льномъ или тимофеевкой. Безъ обязательства-же расчистки, отдача лѣсныхъ участковъ земли подъ новины не допускается.

На своихъ-же надѣльныхъ земляхъ крестьяне расчищаютъ покосы охотно, но много-ли на надѣлѣ расчистишь? Впрочемъ, въ Ширыхановѣ и на надѣльной землѣ можно было-бы сдѣлать прекрасные покосы, если приложить стараніе, но... ширыхановцы такъ сжились съ нуждою безъисходной, что мало и заботятся объ улучшеніи своего благосостоянія; «руки, что называется, опустились у нихъ». Да въ лѣни по расчисткѣ покосовъ можно и не обвинять ихъ, потому что въ Ширыхановѣ у богатаго крестьянина 5—6 коровенокъ, а у бѣдныхъ — ихъ же большинство—всего 1—2 и сѣна безъ расчистки всегда бываетъ достаточно. Вотъ почему и мало заботятся ширыхановцы о расчисткѣ покосовъ; но намъ могутъ возразить, что сѣно, излишнее отъ своего хозяйства, ширыхановцы могли-бы продать. На это мы можемъ тоже задать вопросъ: куда сбыть его?..

Что-же касается огородничества, то оно здѣсь находится въ очень плачевномъ состояніи, отчасти вслѣдствіе климатическихъ условий, отчасти по неумѣнью крестьянъ вести его болѣе разумно. Садятъ въ здѣшнихъ огородахъ преимущественно картофель ¹⁾, лукъ, рѣдьку и капусту, но послѣдняя родится очень плохо, лишь первыя изъ вышеупомянутыхъ овощей родятся хорошо и наиболѣе отвѣчаютъ вкусу обывателей. Относительно-же прочихъ огородныхъ овощей, какъ-то: свеклы, моркови, огурцовъ и т. и., то здѣшніе крестьяне и не слыхали объ нихъ, хотя упомянутыя овощи могли-бы и здѣсь расти. Наиболѣе всего садится здѣсь картофеля 10—15 грядъ у cadaго крестьянина, — но картофель растетъ здѣсь не особенно крупный и по той простой причинѣ, что садить его на гряды принято здѣсь очень густо.

г) Льноводство и рьболовство.

Какъ льноводство, такъ и рьболовство не составляютъ здѣсь промысла, держась буквального смысла этого слова. Каждый домъ (начнемъ съ льноводства) заготавливаетъ ежегодно здѣсь столько льна, сколько его необходимо для себя, на изготовленіе нитокъ, одежды и т. п., но въ продажу льна во всей мѣстности почти не поступаетъ и куда. Ленъ сѣется здѣсь обязательно на пахотной землѣ, отчего онъ и родится весьма не высокаго качества. Новинъ, т. е. подсѣвъ для льна не рубятъ, да если бы и желали сдѣлать это, то нѣтъ мѣста въ надѣльномъ участкѣ земли, да и арендовать ее негдѣ.

Посѣвъ льна производится одновременно съ яровыми хлѣбами и сѣется онъ тоже въ разбрѣсъ, какъ и яровое. Осенью, около 15-го августа, когда головки и стебель льна

¹⁾ Картофель введенъ здѣсь, встать сказать, только въ 1765 г., когда въ Верховажскую Рагушу прислано было изъ Сената 1/2 ф. сѣмянъ его для раздачи населенію (Мисниковъ: «Ист. свѣдѣнія о Вельск. у.»).

пожелтѣютъ (что считается признаками зрѣлости), тогда его рвутъ. Этою работою занимаются женщины, они же и обвязываютъ его въ снопы, но сдѣлать «вѣшало» и повѣсить на него снопы льна—это уже дѣло мужчинъ. Вѣшало дѣлается такъ: втыкаются въ землю два кола наперекрестъ и связываются въ мѣстѣ скрещеванія вицами, затѣмъ на извѣстномъ разстоянн — 5—10 аршинъ—еще такимъ же образомъ втыкаются два кола, и на нихъ кладется сверху жердь, на которую и вѣшаютъ снопы льна для просушки.

Когда ленъ на такихъ вѣшалахъ достаточно просохнетъ, тогда его увозятъ въ гумно, гдѣ тоже сушатъ на овинахъ, затѣмъ выколачиваютъ изъ головокъ сѣмя, а стебельки его растилаютъ по лугамъ и оставляютъ тамъ до 1—10 октября, т. е. до заморозковъ или снѣгу. Послѣ снятія съ луговъ ленъ еще разъ сушатъ въ овинахъ, а затѣмъ мнутъ на мялицахъ, треплютъ, чешутъ и, наконецъ, прядутъ его. Орудія обработки, думается, общезвѣстны, поэтому мы и не будемъ говорить о нихъ.

Теперь о рыболовствѣ.

Изъ породъ рыбъ, водящихся въ здѣшнихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, извѣстны: щука, окунь, налими, сигъ, нельма, харьюзъ, сорога, елецъ и ершъ, а въ рѣку Подюгу заходить и семга, даже довольно крупныхъ размѣровъ, фунтовъ 20—30 и болѣе рыба. Ловятъ рыбу здѣсь болѣе для своей потребности, рѣдко для продажи, за невѣднѣемъ по близости мѣста сбыта, но рыбы, надо сказать, въ здѣшнихъ рѣкахъ и рѣчкахъ очень много. Общеупотребительными ловушками служатъ здѣсь: морда, ванда, понизовка; это все—издѣлія изъ виць ивняка; изъ сѣтей же здѣсь извѣстны: мережки и курма. Всѣ ловушки, свиты изъ виць, какъ, впрочемъ, и курма, ставятся въ ворота заѣзковъ ¹⁾ Рыба, желая пройти внизъ или вверхъ по теченію рѣки (смотря по времени года, такъ ловушки и ставятся) и не находя другаго выхода, кромѣ устроенныхъ воротъ, загороженныхъ тою или другою ловушкою, обыкновенно и попадаетъ въ нее. Такимъ же образомъ ставятся и курма, какъ сказано, хотя она и сдѣлана изъ нитовъ, а не изъ виць; что же касается мережекъ—обыкновенныя сѣти,—то рыбу ловятъ въ нихъ загономъ, т. е. поставятъ поперекъ рѣки двѣ такія мережки на разстоянн одна отъ другой 30—40 сажень, и пространство между ними начинаютъ болтать шестажи, бросать въ воду камни, вообще производить шумъ, развѣзая на лодкахъ, отчего рыба начнетъ бросаться по сторонамъ и попадать въ ту или другую мережку, что, собственно говоря, и нужно было охотнику-рыболову.

д) О х о т а .

Прежде всего мы должны сказать, что самое слово «охота» замѣняется здѣсь словами «лѣсованіе», «лѣшня», а потому при описанн охоты мы будемъ держаться мѣстныхъ выраженій, поясняя непонятныя слова въ скобкахъ. Лѣсованіемъ занимаются здѣсь болѣею частью въ періодъ времени съ 15-го августа по 1-е ноября, но нѣкоторые видами лѣшни, какъ, напр., на медвѣдя, оленя, лося, кунцу, зайца и т. п. занимаются и всю зиму.

Предметами лѣшни въ данной мѣстности являются: векша (бѣлка—тожь), рябчикъ, полевикъ (тетеревъ) и полевая, утка, лисица, кунца, заяцъ, медвѣдь, олень, лось, волкъ, рысь.

Лѣсованіе на бѣлку — самое распространенное изъ всѣхъ видовъ лѣшни. Лѣсуютъ за этия красивымъ и хитрымъ звѣрькомъ всегда съ собаками, такъ какъ безъ нихъ найти человѣку векшу не только трудно, но почти не возможно. Можно увидѣть векшу лишь случайно, когда она спрыгиваетъ съ дерева на дерево.

Векша весной и лѣтомъ бываетъ желтой шерсти, а осенью и зимою сѣрою. Сѣрая

¹⁾ Заѣзковъ или ѣзъ—родъ небольшой плотины, сдѣланной поперекъ рѣки изъ хвоя, сверху заваленной камнями.

векша называется «бѣлкой» и охотятся на нее тогда, когда она бываетъ въ послѣднемъ видѣ.

Разсмотримъ вкратцѣ всѣ способы лѣсованія за каждымъ предметомъ лѣшни отдѣльно, а затѣмъ уже перейдемъ къ результату этого промысла: сколько доходу приносить онъ въ годъ занимающимся имъ.

Итакъ, лѣсникъ, узнавши, что векша поспѣла, стала «бѣлкой» ¹⁾, на утро собирается за лѣшной. Прежде всего онъ тщательно промываетъ ружье, беретъ рогъ и наполняетъ его порошкомъ, кожаный кошеликъ дробью, берестяной сосудицкѣ—пистонами и все это, вмѣстѣ взятое, складываетъ въ холщевый кошель, привѣшиваемый къ шеѣ, не преминувъ положить туда и кудели для пыжей. Позавтракавъ самъ и покормивъ своего вѣрнаго товарища «лыска» или «громка»,—отправляется въ лѣсъ. Его «лыско» или «громко» стрѣлою шчится впередъ своего хозяина и слѣдомъ находитъ въ лѣсу бѣлку, о чемъ и даетъ знать ему громкимъ лаемъ. Лѣсникъ, слышавъ лай своего лыска, немедленно отправляется къ нему, ежеминутно и самъ посвистывая и покрикивая: «лай, ла-ай!», что дѣлается для того, чтобы лыско не убѣгъ, а зналъ бы, что хозяинъ идетъ къ нему. Найдя лыска, лѣсникъ осматриваетъ то дерево, на которое тотъ лаеетъ и, если бѣлки не видать, то колотитъ его топоромъ. Бѣлка, слышавъ стукъ о дерево, на которомъ сидитъ, или перескочитъ на другое дерево или какимъ-нибудь движеніемъ дастъ о себѣ знать, что отъ опытныхъ глазъ лѣсника не скроешь. Замѣтивъ ее, лѣсникъ стрѣляетъ, предварительно положивши дуло ружья на какое-нибудь дерево, дабы «не спугнуться», ибо стрѣляютъ здѣсь всегда «съ прикладу». Убивши бѣлку, лѣсникъ отрѣзаетъ заднія лапки отъ нея и отдаетъ ихъ своему лыску, въ видѣ награды, а самую бѣлку затыкаетъ за свой кушакъ. Если же такая найденная бѣлка до него уже кѣмъ-либо другимъ была найдена и «гонена», то она становится чрезвычайно хитрою и топоромъ ее не выколотишь, а увидать ужъ тѣмъ болѣе не возможно, ибо она заберется подъ самую вершину деревъ и засядетъ въ такіе густые прутья (вѣтви) ели или сосны, да ляжетъ еще вдоль по пруту, что увидѣть ее надо оставить попеченіе. Бываетъ и то, что лѣсникъ замѣтитъ хвостъ такой «гоненой» бѣлки и сдѣлаетъ 10—15 выстрѣловъ въ нее, не причиняя ни малѣйшаго вреда ей, да если бы и попалъ нѣсколькими дробинками, то она на столько живуча, что смерти не послѣдовало бы, а лишь одно временное страданіе. Но встрѣчаются между бѣлками и такія—«погонныя»—что, какъ только собака почувала ее и залаяла, такъ она и побѣдетъ прутья, перескакивая съ дерева на дерево и такъ быстро это дѣлаетъ, при томъ ежеминутно измѣняя направленіе, что рѣдкую собаку «не спугаетъ», а когда же собака собьется съ пути, то такая бѣлка засядетъ на какомъ-нибудь высокомъ деревѣ, что не скоро найдешь, да и найдя, не скоро выгонишь ее оттуда. Такіе «погонныя» бѣлки являются для лѣсника чистымъ несчастіемъ: отступить отъ нея и жалко и стыдно, согнать же на болѣе низкое дерево однимъ колоченіемъ о дерево ничего не подѣлать; единственное средство въ этомъ отношеніи является—это срубить то дерево, на которомъ засѣла бѣлка. Но рубить громадное дерево изъ-за какой-нибудь ничтожной бѣлки во 1-хъ не резонно, а во 2-хъ и строго воспрещается, по этому зачастую лѣсники уходятъ прочь отъ такихъ «погонныхъ», махнувъ рукой, и розыскиваютъ другую. Нѣкоторые лѣсники, впрочемъ, прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ слѣдующему способу согнать бѣлку: они лѣзутъ на то дерево и не долазая немного до вершины его, «страхиваютъ» бѣлку, но прибѣгаютъ къ этому способу рѣдко, потому что не на каждое дерево возможно улѣзть да и не каждому по силамъ, и кроивъ того пока спаззаетъ лѣсникъ на землю, такая «погонная» бѣлка можетъ по вершинкамъ деревъ уйти очень далеко и снова засѣсть на какомъ-нибудь деревѣ, сбивши лыска, тогда лѣснику уже не возможно ее найти.

Настрѣлавши 10—15 шт. бѣлокъ, вечеромъ лѣсникъ отправляется домой, если

¹⁾ Бѣлкой потому еще называется, что кожа на ней въ то время бываетъ бѣлою, у желтыхъ-же она синяя.

домъ не далеко, а — далеко, тогда въ какую-нибудь «истопку»¹⁾, гдѣ сдираетъ шкурки и просушиваетъ ихъ на особыхъ палцахъ, мясо же отдаетъ своему лыку. Переночевавъ, снова отправляется за лѣшней.

Лѣсованіе на рябчика, полевика (тетерева) начинается приблизительно съ 8-го сентября, по наступленіи «стужи», дабы сохранить эту дичь до прихода скучивковъ, что бываетъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ. Рябчиковъ стрѣляютъ изъ ружей, приманивая на пицки, а также ловятъ ихъ въ силышка, какъ и въ прочихъ мѣстахъ. Полевиковъ бьютъ изъ ружей также осенью, но ловятъ въ силышка здѣсь по иному способу, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, напр. въ Кадниковскомъ уѣздѣ, а именно: петлю прикрѣпляютъ здѣсь не на землѣ, какъ тамъ, а на какомъ нибудь деревѣ, куда они чаще всего слетаются, обыкновенно на березѣ. Ради приманки кладутъ на то дерево грозди рябиновыхъ или вересковыхъ ягодъ, запасенныхъ ранѣе для этой цѣли. Ягоды кладутся по ту и по другую сторону петли, и птица, объѣвъ ягоды по одну сторону, идетъ по вѣткѣ на другую и попадаетъ въ петлю. Лѣсуютъ за тетеревами или по мѣстному «полевиками» и на токахъ, по близости которыхъ лѣсники устраиваютъ себѣ изъ хвоя «шалаша», дабы скрыть свое присутствіе, но такъ какъ этотъ способъ лѣсованія общезвѣстенъ, то мы и не будемъ о немъ говорить.

Утокъ бьютъ при перелетѣ на озерахъ, рѣкахъ и рѣчкахъ, осенью, но за «выводками» не лѣсуютъ; развѣ случайно лѣтомъ, въ сѣнокосъ, собака найдетъ стадо молодыхъ и придушитъ ихъ, тогда лѣсникъ волей и волей уберетъ ихъ на «жаренье».

Лѣсованіе на лисицу, кунцу и рысь бываетъ случайное, тогда, когда лѣсникъ случайно натолкнется на ихъ слѣды или ему скажутъ объ этомъ другіе. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ беретъ свое ружье, лыска и отправляется за пономкомъ, а найдя стрѣляетъ. Зимой лисицъ ловятъ еще въ клещцы (капканы), которые ставятъ на ея слѣды, «тропы». Она обыкновенно ходитъ куда-либо за поѣдью однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ, ступая въ одинъ и тотъ же слѣдъ свой; на такихъ мѣстахъ — тропахъ — и ставятся клещцы. Но такъ какъ лисица, какъ извѣстно, чрезвычайно хитра, иногда черезъ толстый слой снѣга слышитъ запахъ желѣза, то здѣсь наши способъ и ее обманывать. Этотъ способъ заключается въ томъ, что клещцы, прежде чѣмъ поставить подъ лисицу, натираютъ предварительно травой, извѣстною здѣсь подъ именемъ «богородской», добываемой лѣсниками черезъ богомольцевъ съ Соловецкихъ острововъ, гдѣ она будто-бы только и растетъ²⁾.

Чтобы «привабить» лисицу лѣсники вывозятъ въ лѣсъ какое-нибудь павшее животное, вокругъ котораго и становятся клещцы.

Что же касается зайцевъ, то какъ-какъ ихъ только и ни истребляютъ! Бьютъ ихъ изъ ружей, ловятъ въ клещцы, нитки, кражи. Изъ ружей бьютъ ихъ большею частью раннею осенью, когда зайцы по вечерамъ выбѣгаютъ на гладкіе пенники или въ полянки съ озимью. Нитки же ставятся уже глубокою осенью, обыкновенно въ изгороди вокругъ какой-нибудь полянки съ озимью, куда по ночамъ прибѣгаютъ они ѣсть молодую озимь, ибо трава въ это время уже погибаетъ. Клещцы ставятся зимой на ихъ, заячьихъ, тропахъ, какъ и кражи, но такъ какъ всѣ эти способы описаны нами въ прежнемъ очеркѣ (см. «Троицна», Кадниковскаго уѣзда, «Жив. Стар.» 1892 г., вып. II и III), то мы и не считаемъ нужнымъ говорить объ нихъ здѣсь, отсылая интересующихся къ той статьѣ.

На медвѣдя лѣсуютъ здѣсь большею частью зимою, во время глубокаго снѣга, въ февралѣ или въ началѣ марта. Это въ берлогахъ. Но мы были бы не точны, не упомянувши о томъ, что лѣсуютъ за ними и во всякое время года, только послѣдняго рода лѣсованіе является случайностью. Напримѣръ: слышавъ лѣсникъ, что у такого-то крестьянина задралъ медвѣдь корову, лошадь или овцу, наконецъ, — что бываетъ очень рѣдко, т. е. овецъ-то онъ рѣдко задираетъ — отправляется разсмѣивать «уши-

¹⁾ Истопка — маленькая лѣсная избушка, безъ оконъ.

²⁾ Такая трава — бѣлаго цвѣта, говоритъ, забиваетъ запахъ желѣза.

бину» и, найдя, устраивает по близости лабазъ, а затѣмъ садится на него и, затѣмъ дыханіе подкарауливаетъ медвѣда. Подкарауливаютъ его и на овсяныхъ полянкахъ, стоящихъ близъ какого-нибудь крупнаго лѣса. Въ томъ и другомъ случаѣ прежде всего дѣлается лабазъ, устройство котораго несложно: вѣтви двухъ, близко стоящихъ одно отъ другаго, деревь двѣ жерди, и концы ихъ связываются межъ собой вѣтвями, дабы не разъѣхались — вотъ и все устройство лабаза. Высота лабаза отъ земли бываетъ около 1 саж. Но мы должны оговориться здѣсь, что бьютъ медвѣдей съ лабаза лишь только лѣсники «первоучки», а старшій и опытный лѣсникъ никогда не сядетъ на лабазъ, считая это для своей чести унинительнымъ и всегда бьетъ медвѣдей съ земли, и такихъ лѣсниковъ-сильчачковъ масса въ данной мѣстности. Такихъ опытныхъ и храбрыхъ лѣсниковъ не охотящійся мѣстный народъ называетъ колдунами, знающими съ чертами, ибо храбрость такихъ лѣсниковъ выходитъ за предѣлы ихъ пониманія. Намъ, т. е. пишущему эти строки, извѣстенъ одинъ изъ такихъ лѣсниковъ по прозванію Лискичъ, живущій въ Хмельницкомъ обществѣ, который въ свою жизнь убилъ болѣе 50 шт. медвѣдей и охотился за ними всегда одинъ. Этотъ Лискичъ разъ убилъ медвѣда даже стягомъ (аншпугомъ), такъ какъ ружья при себѣ не имѣлъ. Дѣло было такъ, судя по его разсказу, подтверждаемому сосѣдями его: Лискичъ рубилъ бревна въ лѣсу, вдругъ его «сѣрко» залазалъ въ сторонѣ отъ него и такъ, что по его лапѣ сразу замѣтно, что лаетъ на звѣра, а не на кого-либо другаго. Приходитъ онъ къ своему сѣрку и видитъ, что тотъ стоитъ надъ берлогою. Что дѣлать? вернуться домой за ружьемъ — далеко, тогда онъ вырубилъ аншпугъ и давай тыкать имъ въ берлогу, дабы медвѣдъ рассердился и вышелъ. Вотъ, наконецъ, вылезаетъ медвѣдъ и лишь только показалъ свою голову, какъ его «треснетъ» Лискичъ своимъ стягомъ, и медвѣдъ опять «укурнувъ» въ свое логовище, и второй разъ намѣревается вылѣзти медвѣдъ, онъ и второй разъ угодилъ его тѣмъ-же, а въ третій разъ уже окончательно пришибъ, ибо попалъ межъ глазъ. Послѣ третьяго удара Лискичъ самъ залѣвъ въ берлогу со своимъ сѣркомъ и вытаскивалъ оттуда медвѣда еще немножко «живеньково».

Принимая во вниманіе, что Лискичъ обладаетъ и теперь громадною силою (ему около 70 лѣтъ), а въ молодые годы, конечно, еще былъ сильнѣе, то и повѣрить въ правдивость этого случая можно, не смотря на то, что всѣ лѣсники любятъ «прихвастнуть»...

На волковъ лѣсуютъ такъ: берутъ въ сани собаку или поросенка и раздѣвжуютъ ночью по полямъ и лѣсамъ, непрестанно трепля собаку или поросенка, дабы визжали. Волки, слышавъ визгъ, подбѣгаютъ къ санямъ, чего лѣсникъ и ждетъ, за-ранѣе сдѣлавши ружье на прицѣлъ... Ловятъ ихъ въ ямы и клепцы, но это уже общезвѣстныя ловушки.

Лѣсованіе на лосей (по мѣстному «сохацей») и оленей бываетъ только въ зимнее время, да и то во время глубокаго снѣга. Вотъ какъ оно бываетъ: замѣтивши слѣды того или другаго животнаго, лѣсникъ беретъ лыжи и отправляется по слѣдамъ ихъ и гонится за ними до тѣхъ поръ, пока они не пристанутъ, что опытному лѣснику не трудно узнать, такъ какъ приставшее изъ стада животное все чаще и чаще будетъ ложиться на снѣгъ. Добившись того, что животное уже изнемогаетъ, двинуться не можетъ далѣе, лѣсникъ подходит къ нему возможно ближе и пристрѣливаетъ, а затѣмъ гонится за слѣдующими и т. д. Иногда случается—хотя очень рѣдко,—что такимъ образомъ лѣсникъ все стадо перестрѣляетъ и рѣдкое животное спасется. Но къ сохачу въ близкое разстояніе не подходятъ изъ опасенія, что дастъ «стрекача» заднею лапой, на что они, надо сказать, очень способны. Самое удобное время для этого рода лѣсованія бываетъ въ началѣ марта мѣсяца, когда на снѣгу образуется небольшой настъ, легко поднимающій человѣка на лыжахъ, а животное обрывается и обрѣзываетъ настомъ ноги. Гоньба этихъ животныхъ продолжается иногда по цѣлой недѣлѣ и лѣснику волей неволей приходится ежедневно въ лѣсу и ночевать, хотя бы при 30 — 40° мороза, — погоды, какъ видите, не совсѣмъ благопріятной для ночлега подъ открытымъ небомъ!

Но нашъ сѣверный крестьянинъ до того привыкъ къ разнымъ невзгодамъ, до того «смекальщикъ», что изъ всякой бѣды найдетъ себѣ выходъ. И въ данномъ случаѣ найдетъ способъ спасти себя отъ замерзанія. Способъ этотъ заключается въ томъ, что лѣсникъ, желая переночевать въ лѣсу, подыскиваетъ и срубаетъ еловую или основную «сушу» (сухоподстойное дерево), отрубаетъ отъ нея двѣ чурки по 1 саж. длины, раскалываетъ ихъ на половинки и выдалбливаетъ топоромъ часть середины этихъ плахъ, дѣлая изъ нихъ какъ бы колоды для поила скоту, затѣмъ опять складываетъ ихъ въ одно мѣсто, предварительно положивши въ пустую середину ихъ хворосту и огня. Чурки эти начинаютъ внутри по-немножку тлѣть, но не вспыхиваютъ пламенемъ, такъ какъ притокъ воздуха внутри ихъ не большой. Разжегши чурки, лѣсникъ выгребаетъ въ снѣгу яму, подстилаетъ подъ себя хвои и ложится спать, положивши возлѣ себя, по ту и другую сторону, эти тлѣющія чурки. Такимъ образомъ онъ и спасается отъ морозовъ и даже прекрасно выспится. Говорятъ, что такое ложе, именуемое, надо сказать, въ одномъ мѣстѣ «ночья», а въ нѣкоторыхъ «ночья», бываетъ очень тепло. Какое влияние оказываетъ подобная «ночья» или «ночья» на здоровье спящаго—говорить нечего, надо имѣть привычку и очень крѣпкое здоровье, чтобы безвредно переносить подобные ночлеги.

Что касается выгоды, представляемой охотничьимъ промысломъ, то мы должны сказать, что промыселъ этотъ является не малымъ подспорьемъ для крестьянскаго благосостоянія мѣстности, въ особенности для Шпрыхановскаго общества, гдѣ хлѣба, какъ уже сказано ранѣе, часто вывѣяютъ и средства къ жизни приходится получать не отъ хозяйства. Такъ, намъ извѣстно, что крестьянинъ лѣсникъ, постоянно занимающийся (исключая сѣнокосной поры) этимъ промысломъ зарабатываетъ по 50 и болѣе руб. въ годъ, а если удастся ему убить медвѣдя, то и 100 руб. Занимающіеся этимъ же промысломъ, но только въ одно осеннее время (а такихъ лѣсниковъ большинство) зарабатываютъ отъ 10 до 20 руб. въ осень.

е) Сдирка березовой скалы и рубка лѣсу.

Еще въ недавнее, сравнительно, время, лѣтъ 15—20 тому назадъ, промыселъ сдирка березовой коры, называемой по мѣстному «скалы», былъ главнымъ послѣ хлѣбопашества во всей мѣстности, а въ настоящее время совершенно упалъ. Причинъ такому паденію промысла много; главная изъ нихъ та, что «березнику мало стало вблизи», по словамъ крестьянъ, а во-вторыхъ «дорога пошлина (аренда) стала». Прежде платилось аренды за пудъ скалы 5—6 коп., теперь же 10—12 коп., какъ разъ вдвое. Деготь, между тѣмъ, въ цѣнѣ съ каждымъ годомъ падаетъ (скала идетъ специально на выкурку дегтя) да и требованіе на него уменьшается. Но какъ бы то ни было, а промыселъ этотъ все же существуетъ еще, и нельзя обойти его молчаніемъ, а потому мы и о немъ скажемъ нѣсколько словъ.

Въ юнѣ мѣсяцѣ, до наступленія сѣнокосной поры крестьянинъ-берестяникъ приходитъ къ мѣстному окружному надзирателю (нынѣ, кажется, именуется начальникомъ округа) съ заявленіемъ, что въ такой-то дачѣ, въ такомъ-то обходѣ или кварталѣ, онъ желаетъ содрать столько-то пудовъ скалы. Окружный надзиратель обыкновенно записываетъ его и выдаетъ проходное свидѣтельство, что-ли, въ дачу, съ которымъ крестьянинъ и отправляется туда, вмѣстѣ со всюю почти семьей. Найдя березовый лѣсъ, семья обдираетъ съ него кору. (Въ юнѣ кора обыкновенно отшрѣиваетъ отъ ствола дерева и легко сдирается) и укладываетъ ее въ грудки, тутъ же въ дачѣ. Грудки эти покрываются отъ дождя еловой корою и заваливаются камнями и прочей тяжестью, дабы не спихнуло ихъ вѣтромъ. Во время этой работы семья безвыходно живетъ въ лѣсу по цѣлой недѣлѣ, претерпѣвая при этомъ всевозможныя перемены погоды, укусы и уколы милліоновъ кишачихъ вокругъ ея комаровъ, оводовъ и т. п. твари.

Покончивши работу, семья отправляется домой и готовится уже къ сѣнокосу. Зимомъ, какъ только установится санный путь, крестьянинъ-берестяникъ прокладываетъ къ своимъ грудкамъ дорогу и увозитъ скалу домой; затѣмъ идетъ опять къ окружному надзирателю за провознымъ билетомъ, при этомъ уплачиваетъ аренду всю сполна. Получивши билетъ, онъ везетъ скалу въ Кадниковскій уѣздъ, гдѣ и продаетъ ее на дегтекурные заводы, которыхъ тамъ много.

Заработываетъ семья этии промысломъ въ настоящее время отъ 10 до 20 руб. въ годъ только. Чтобы заработать эти несчастные 10—20 р. потребно громадное количество рабочихъ дней и не удивительно, что промыселъ этотъ упалъ...

Но счастье русскаго крестьянина никогда не покидало. Съ упадкомъ промысла по сдиркѣ скалы, возникъ другой, еще болѣе выгодный,—это рубка и возка лѣсу на Удѣльное вѣдомство, купившее въ Архангельскѣ, какъ слышно, лѣсопильный заводъ и теперь заготавливающее изъ своихъ дачъ ежегодно до 100 тыс. бревенъ. Лѣса здѣсь громадные, можно сказать, дѣвственные, и ихъ такая масса, что надолго еще хватитъ распиливать, хотя-бы даже заготовка ихъ была дѣлаема изъ одной только описываемой мѣстности, чего нѣтъ да и ждать нельзя. Заработокъ по рубкѣ и возкѣ бревенъ для данной мѣстности равняется 10 тыс. руб. и болѣе, не считая сплава бревенъ, гдѣ тоже перепадаетъ «малая толика» мѣстному крестьянству. Къ сожалѣнiю, мы не имѣемъ подъ рукою болѣе или менѣе вѣрныхъ данныхъ о томъ, сколько ежегодно зарабатываетъ населенiе отъ Удѣльнаго вѣдомства по эксплуатаціи нѣтъ своихъ богатѣйшихъ лѣсовъ...

Отхожихъ промысловъ въ данной мѣстности не существуетъ. Есть промыселъ мѣстный: плетеніе изъ лыка разной утвари, какъ-то: лукошкоровъ, корзинокъ, пестерей, лаптей и т. п., но нѣтъ, какъ промысловъ, занимаются только старики и то очень немногіе и зарабатываютъ этии отъ 5 до 8 руб. въ зиму. Здѣсь каждый, или почти-что каждый крестьянинъ умѣетъ самъ сдѣлать изъ лыка нужное для семьи и лишь рѣдкіе изъ нихъ прибѣгаютъ къ покупкѣ сихъ издѣлій.

На этомъ мы и покончимъ со средствами къ жизни.

Умственное развитіе населенiя и народное здравіе.

Въ общемъ народъ въ данной мѣстности уменъ, смѣтливъ, но въ слѣдствіе неразвитаго своего и разныхъ историческихъ причинъ выработалъ въ себѣ характеръ весьма скрытный: здѣшній крестьянинъ очень не сообщителенъ и говоритъ съ посторонними не иначе, какъ сдерживая и затанывая свои чувства. Особенно рѣзко выражается эта скрытность при разговорѣ съ чиновникомъ или, выражаясь по мѣстному, «барношомъ», хотя къ числу баръ они причисляютъ и полицейскаго урядника. Въ этомъ случаѣ каждый крестьянинъ держится крѣпко рутинной фразы «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю», хотя-бы вопросъ шелъ о калустѣ. Боязнь передъ начальствомъ не описуема. Наставленіе о томъ, какъ держать себя передъ начальствомъ выражается въ многочисленныхъ пословицахъ, напр: «ѣшь пироги съ грибами, а языкъ держи за зубами». «хвали сѣно въ стогу, а барина въ гробу». «Въ карманѣ кружки (понимается: монеты), такъ и чиновники дружки», и т. д., разумѣя подъ послѣдней, что если денегъ много, то и съ чиновниками водить дружбу можно, а въ противномъ случаѣ «держи языкъ за зубами».

Большинство населенiя отличается любопытствомъ, желаніемъ проникнуть, понять суть дѣла, исключая ширыхановцевъ, которые какъ-бы на все окружающее ихъ махнули рукою. Про равводущіе ширыхановцевъ сложилась слѣдующая басня: «Ердяна (жители дер. Ерцева) раньше жили такъ, що и не знали: есть-ли на свѣтѣ какой-нибудь другой народъ, акромъ ихъ; но вотъ, разъ, вомошь одинъ мужикъ въ лѣсъ дровъ рубить и чуетъ (слышитъ) изъ-за лѣсу—пѣтухъ поеть. Шо, думаетъ, за притца? Пошовъ на крикъ пѣтуха и нашовъ цѣлую деревню (Русиново) людей. Кабы не пѣтухъ, онъ и все-тъ бы не знали другъ друга», говорятъ таврежане.

Въ послѣднее время замѣчается среди населенія стремленіе къ обученію своихъ дѣтей грамотѣ, въ результатѣ чего возникло 7 школъ грамоты. Хотя и нельзя отнести это всецѣло къ инициативѣ самаго народа, такъ какъ о развитіи грамотности заботятся священники, и большинство школъ явилось по ихъ совѣту, но нельзя умолчать и о томъ, что не будь желанія у самихъ крестьянъ обучать своихъ дѣтей, то они не послушали-бы ни чьихъ совѣтовъ. Потребность-же въ грамотности сильно ощущается здѣсь. Достаточно сказать, что ни въ Верхне-Подюжскомъ, ни въ Ширыхановскомъ обществахъ нѣтъ своего сельскаго писаря до сихъ поръ: нанимаютъ въ Нижней-Подюгѣ. Представьте себѣ, читатель, что, для того, чтобы написать какой-нибудь ничтожный сельскій приговоршкво, въ 3—5 строкъ, требуется, напр. изъ ближайшей деревни Ширыханова (Хмелеванской) ѣхать за писаремъ за 45 верстъ, а если такой приговоръ писать въ той деревнѣ (Гора), гдѣ живетъ сельскій староста, то надо еще прибавить 12 вер., итого 57 верстъ. За 57 верстъ ѣхать по ужасной дорогѣ за писаремъ, такъ какъ въ своемъ обществѣ нѣтъ такого человека, который способенъ былъ бы написать 3—5 строкъ—это-ли не ужасно? а, между тѣмъ, фактъ.

Въ настоящее время народное образованіе находится здѣсь въ слѣдующемъ положеніи: земскихъ школъ 2, а именно въ с. Пономаревскомъ и при церкви въ Хмельникахъ. Въ с. Пономаревскомъ школа носитъ названіе «земское училище», а въ Хмельникахъ «земская школа», но какая между ними разница—вѣдаетъ аллахъ!

Учащихся въ 1892—3 учебномъ году было:

въ Пономаревскомъ училищѣ	мальчиковъ 44	} 68 чел.
	дѣвочекъ 14	
Кончило курсъ ученія:	мальчиковъ 11	} 12 чел.
	дѣвочекъ 1	
Въ томъ-же году въ Хмельницкой школѣ училось:	мальчиковъ 19	
Кончило курсъ ученія	9	
Учащихся дѣвочекъ не было.		

Школъ грамоты въ упомянутомъ учебномъ году было 7, а именно въ деревняхъ: Пушиновѣ, Харитоновской, Кузнецовѣ, Заболотной, Боровской, Велико-Николаевской и Хмелеванской; учащихся было въ нихъ:

Въ Пушиновской школѣ:	мальчиковъ 11	} 15 чел.
	дѣвочекъ 4	
Въ Харитоновской	мальчиковъ 13	} 18 чел.
	дѣвочекъ 5	
Въ Кузнецовской	мальчиковъ 8	} 9 чел.
	дѣвочекъ 1	
Въ Заболотной	мальчиковъ 8	} 11 чел.
	дѣвочекъ 3	
Въ Боровской	мальчиковъ 11	
	дѣвочекъ не было.	
Въ Велико-Николаевской	мальчиковъ 8	
	дѣвочекъ не было.	
Въ Хмелеванской (въ Ширыхановѣ)	мальчиковъ 10	
	дѣвочекъ не было.	
Итого:	мальчиковъ 69 чел.	
	дѣвочекъ 13 >	
	Всего	82 >

Въ слѣдующемъ 1893—4 учебномъ году число школъ грамоты увеличилось еще на 2, а именно: открыты школы въ деревняхъ Великопольской, гдѣ учащихся было 10 чел., въ томъ числѣ 3 дѣвочки, и затѣмъ въ Нижне-Подюжскомъ обществѣ, гдѣ учащихся было 19 чел., въ томъ числѣ тоже 3 дѣвочки.

Кромѣ того въ данной мѣстности открыта недавно церковно-приходская школа, при Покровско-Ширыхановской церкви, но о дѣятельности ея мы не имѣемъ свѣдѣній. Помѣщается она въ убогой церковной сторожкѣ, гдѣ живетъ сторожъ, вотъ набросокъ съ нея:

Учителемъ въ земскомъ училищѣ состоитъ кончившій курсъ въ Тотемской Учительской Семинаріи, жалованіе которому мѣстное земство платитъ 200 руб. въ годъ да «прибавочныхъ» за пятнадцатую службу 40 руб. Сверхъ того земство расходуетъ на это училище: жалованія законоучителю 50 р.; за обученіе пѣнію 12 р., на сторожа, отопленіе и освѣщеніе 40 руб. Квартира же подъ училище отъ волости.

Въ Хмельницкой земской школѣ учительница получаетъ жалованія только 10 или 12 руб. въ мѣсяцъ.

Учителями же въ школахъ грамоты бывають мальчики, кончившіе курсъ земскаго училища или школы, вознагражденіе они получаютъ большею частью «натурою», зерномъ, а именно: отъ 10 до 20 фун. ржи съ каждой ревизской души того общества, въ которомъ находится школа. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ школахъ вознагражденіе получается и деньгами—по 1 руб. съ каждаго учащагося, за бѣдныхъ же платитъ общество. Квартира же для школъ гранаты или нанимается сообща «мирянами» или отводится по очередно, напр. сѣгодня у Петра, а завтра у Ивана и т. д.

Понятно, отъ такихъ школъ, какъ школы грамоты, ждать многого нечего, принимая во вниманіе ихъ теперешній учительскій персоналъ, во все же, думается, лучше пусть будутъ существовать пока они, чѣмъ отсутствіе всякой школы. Конечно, лучше бы имѣть еще 2 земскія училища, нежели всѣ эти 9 школъ грамоты, но средства у Земства весьма ограниченны, да и въ силу разбросанности населенія открывать такія училища пришлось бы въ каждомъ обществѣ, ибо сгруппировать учащихся въ какихъ-либо двухъ мѣстахъ не возможно. Населеніе здѣсь такъ разбросано, что дѣлами десятки верстъ отдѣляютъ деревню отъ деревни того или другаго общества. Напр. отъ ближайшихъ деревень Хмельницкаго общества до ближайшихъ деревень слѣдующаго по дорогѣ Нижне-Подюжскаго разстояніе равно 15 верстамъ; отъ Нижне-Подюжскаго до Верхне-Подюжскаго 16 верстъ, отъ Верхне-Подюжскаго Ширыхановскаго 27 верстъ. Мыслимо ли при подобныхъ разстояніяхъ посѣщеніе школы мальчиками изъ разныхъ обществъ? Нанять же квартиру по близости школы, платить за содержаніе крестьяне не имѣють средствъ.

Открыть же во всѣхъ обществѣхъ по училищу, какъ уже сказано, Земству не послать.

Вотъ главныя причины сравнительно слабого еще развитія грамотности въ данной мѣстности. Кромѣ того надо принять во вниманіе еще то, что дѣти школьнаго возраста являются подсобниками своему отцу, матери въ различнаго рода работахъ и «управахъ» по хозяйству, и лишевіе такого подсобника для нинѣшнихъ родителей составляло бы значительный ущербъ ихъ хозяйству, слѣдовательно и благосостоянію семейства.

Что же касается медицинской части въ мѣстности, то дѣло это находится еще въ болѣе плачевномъ состояніи, нежели народное образованіе. Во всей мѣстности находится одинъ только фельдшерскій пунктъ, въ с. Пономаревскомъ, да и тотъ такъ бѣдно снабженъ со стороны Земства медикаментами, что пользы ждать отъ этого нечего, даже хотя бы при всемъ желаніи и умѣніи завѣдывающаго имъ фельдшера. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ фельдшеру вѣнчается въ обязанность завѣдывать не только этимъ волостью, но и прочими, еще далѣе находящимися отъ пункта, нежели Ширыханово, а потому оказаніе кому-либо своевременно медицинской помощи не мыслимо. Въ самомъ дѣлѣ, если случится кому-либо заболѣть, напр., хоти бы въ Ширыхановѣ, за 100 верстъ отъ пункта, то сего-ли съвздать за фельдшеромъ, имѣя въ виду, что весной и осенью дорога туда бываетъ почти въ буквальномъ смыслѣ слова непролазная? Скоро-ли, наконецъ, фельдшеръ пріѣдетъ да и поѣдетъ-ли по такой дорожкѣ, гдѣ полноти приходится идти пѣшкомъ? Можно, какъ говорится, сто разъ умереть, нежели дожидаться помощи.

Неудивительно поэтому, что народъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ по прежнему лечится своими «средствами», и охотно обращается къ знахарямъ и знахаркамъ,

каковыхъ не занимать стать въ такой глуши! Да такое печальное явленіе, впрочемъ, всеобщее на Сѣверѣ Россіи, вслѣдствіе разбросанности населенія.

Разсмотримъ, насколько намъ это извѣстно, всѣ способы домашняго леченія и его результаты.

Всѣ простудныя болѣзни, какъ напр., лихорадку, воспаленіе легкихъ и т. п., по словамъ мѣстнаго фельдшера П., обязательно лечатъ «жаромъ». Это леченіе заключается въ томъ, что больного водятъ въ жарко-натопленную баню и тамъ «хвошутъ» его вѣвникомъ чуть не до потери сознания, а затѣмъ приводятъ домой и укладываютъ на печку, покрывая шубами. Если это не поможетъ, то, значитъ, больной не достаточно еще «пропотѣлъ» и его снова начнутъ лечить жаромъ, но на этотъ разъ уже не въ баню ведутъ, а закидываютъ въ печку-печарку и закрываютъ ее заслонкой, хотя бы самъ больной и протестовалъ противъ закрытія печки. Какъ результатъ такого леченія случается—хотя рѣдко,—что больной задыхается тамъ на смерть, если домашніе доктора не догадаются во время вытащить его оттуда. Но если больной перенесъ печку благополучно, то его вслѣдъ затѣмъ поятъ настоемъ какой-нибудь лечебной травы или водкой, настоянной на стручковомъ перцѣ.

Оспу и корь тоже обязательно печкой или баней лечатъ, дабы «зажечь» болѣзнь.

О простомъ поносѣ (по мѣстному—«череву») говорятъ, что «сорванъ пупъ», и лечатъ его горшкомъ. Этотъ оригинальный и варварскій способъ леченія состоитъ въ томъ, что берутъ большой глиняный горшокъ, кладутъ въ него свернутую въ пушъ кудель и зажигаютъ, а затѣмъ моментально опрокидываютъ горшокъ на животъ больного и держатъ такъ нѣсколько минутъ. Больной испытываетъ при этомъ страшныя боли въ животѣ, такъ какъ въ горшкѣ послѣ горенія образуется безвоздушное пространство, и весь животъ больного втянется въ него, но населеніе рѣдко вѣритъ, что послѣ такой операціи больной обязательно долженъ поправиться. Эту же болѣзнь лечатъ также и заговорами, которые произносятъ надъ водою или лукомъ и заговоренный предметъ даютъ больному выпить или съѣсть.

Вывихи, растяженія связокъ и ушибы лечатъ прикладываніемъ къ больнымъ мѣстамъ теплыхъ припарковъ изъ сѣнной «струхи» (взмельченного сѣна) или пелѣвы (мякины) отъ овса. Но по невѣжеству знахарей и знахарокъ прикладываніе припарковъ продолжается иногда слишкомъ долго и вмѣсто пользы приноситъ больному значительный вредъ, а иногда прикладываютъ ихъ до нагноенія.

Всѣ дѣтскія болѣзни лечатъ «наговоромъ» (заговорами) на настой какой-нибудь мѣстной травы, и настой этотъ даютъ ребенку пить.

Болѣзни глазъ, напр. трахому лечатъ сначала такъ: вылизываютъ языкомъ внутри вѣкъ, предполагая, что туда попала шамшика (соринка, пыль), а когда болѣзнь не проходитъ отъ лизанія, тогда варятъ щелокъ (вода смѣшанная съ печной золой), и паръ съ этого щелока пускаютъ въ глаза, для чего больной стоитъ надъ кадуской по цѣлому часу времени въ наклонномъ положеніи. Нечего и говорить уже о томъ, что отъ такого леченія у больного сдѣлается еще большій приливъ крови къ головѣ и къ больному глазу, и еще больше усилится болѣзнь, тѣмъ болѣе, что пары щелока очень ѣдки. Если же вылизывающая вѣйка знахарка сифиличка, то въ довершенію бѣды и сифилисъ еще привьетъ несчастному, что и случилось. Кромѣ того пускаютъ иногда въ больной глазъ нюхательнаго табаку, чтобы «проѣло» и глазъ былъ бы свѣтлѣе, а то вмѣсто табаку практикуется пускать туда водку-перцовку и т.-же для той цѣли, чтобы «проѣло»... Само собою, разумѣется, что подобное леченіе не рѣдко ведетъ не къ выздоровленію, а къ совершенной потерѣ глаза, а то и обоимъ вѣстямъ. Къ счастью, надо отмѣтить, что въ послѣднее время очень рѣдко стали прибѣгать къ подобному способу леченія, все чаще и чаще обращаются за помощью въ г. Вельскъ къ врачу или въ с. Пономаревское къ фельдшеру, отдавая имъ предпочтеніе въ леченіи глазъ передъ своими знахарями.

Раны, язвы, ссадины лечатъ кто и чѣмъ попало или какъ кого научилъ свой мѣстный знахарь. Напр. моютъ раны своею мочей, заливаютъ лакомъ, засыпаютъ землей,

табакоу и проч., и проч. Всѣ эти средства вызываютъ лишь нагноеніе—и ничего больше за исключеніемъ развѣ лака, которымъ, будто бы, если покрыть свѣжую рану, то очень полезно; да этому, пожалуй, и повѣрить можно, такъ какъ лакъ не пропускаетъ въ рану ни воздуха, ни тѣмъ болѣе пыли.

Отъ ревматизма лечатся настоемъ травы, извѣстной здѣсь подъ названіемъ «костоломка».

Вообще, надо сказать, лечение травами здѣсь очень распространено, и есть такія старушки-знахарки, которыя имѣютъ до 100 сортовъ разныхъ мѣстныхъ травъ и ими лечатъ обращающихся къ нимъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ лечебныхъ травъ:

- 1—2. Грыжнія. Употребляются отъ грыжи, какъ показывается и самое названіе.
3. Бѣлопѣтка. Тоже отъ грыжи.
4. Боровой вересъ. Отъ шума въ головѣ.
5. Шумиха. Тоже отъ головного шума.
6. Родимецъ. Употребляется отъ болѣзни, извѣстной здѣсь подъ именемъ «родимца» или золотухи.
7. Адамова голова. Употребляется отъ головной боли, отчего бы это не произошло.
8. Стародудка. Отъ боли живота у женщинъ.
9. Усолна. Отъ колотья боковъ.
10. Усовная. Тоже.
11. (Безъ названія). Отъ головной боли.
12. » » Тоже.
13. Утвинная. Отъ спинной боли.
14. Георгіевское копье. Тоже отъ спинной боли, и кромѣ того считается полезною для охотника-звѣролова.
15. Сквозница. Отъ головной боли.
16. Саксъ-Сапарель. Отъ «худой» болѣзни (Sifilis).
17. Отѣковая. Отъ опухоли.
18. Костоломка. Отъ боли костей и ранъ.
19. Сонъ. Отъ бессонницы по ночамъ.
20. » Отъ женской болѣзни.
21. Золотуха. Отъ болѣзни послѣ родовъ.
22. » Отъ неспросыпу.
23. » Отъ женскихъ внутреннихъ болѣзней.
24. Звѣрбой. Отъ кашля.

Всѣ эти травы завариваются и употребляются такъ же, какъ чай, только съ неизмѣннымъ условіемъ: пить на голодный желудокъ, а не послѣ обѣда или ужина.

Кромѣ лечебныхъ травъ извѣстны здѣсь еще «колдовскія» травы, но, къ сожалѣнію, пишущему эти строки не удалось пока раздобыться ни однимъ экземпляромъ ихъ. Такъ, напр., извѣстны здѣсь:

- а) Петровъ крестъ. Полезна для охотника-рыболова.
- б) Супротивница. Полезна для воровъ, съ помощью ея якобы отмыкають замки. Растетъ въ рѣкѣ напротивъ теченія, отчего и получила названіе «супротивницы».
- в) Одолень корень. Употребляется для привораживанія дѣвицъ.
- г) Поясъ. Употребляется противъ невозможности исполнить супружескія обязанности. (Мужч.).
- д) Чертополохъ. Употребляется для изгнанія бѣсовъ, вообще «нечистой силы» изъ дому.

А. Шустиковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТАВРЕНЬГА

Вельскаго уѣзда.

Этнографическій очеркъ.

(Окончаніе).

Жилища, одежда и пища.

а) Жилища.

Какъ самыя жилища въ отдѣльности, такъ и расположеніе ихъ въ цѣломъ селеніи въ данной мѣстности, какъ впрочемъ и во всемъ Вельскомъ уѣздѣ, рѣзко отличается отъ жилищъ и селеній прочихъ соседнихъ мѣстностей Кадниковскаго и Тотемскаго уѣздовъ. Тамъ строились и строятся до сихъ поръ такъ, какъ и кому взбрело въ голову, не заботясь объ общемъ планѣ селенія. Здѣсь не то. Стоитъ только въѣхать въ Вельскій уѣздъ и сразу же замѣчается, что чья то властная рука руководила всѣми этими постройками и планировкой. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь селенія расположены во 1-хъ всегда около какой нибудь рѣчки или рѣчки, и дома разставлены въ два порядка съ широкою улицей по срединѣ, что въ Кадниковскомъ уѣздѣ рѣдко встрѣтить, во 2-хъ строятся дома обязательно одноэтажные, съ подваломъ внизу для мелкаго скота (овецъ, телятъ и т. п.). Правильной планировкой селеній жители Вельскаго уѣзда обязаны Удѣльному вѣдомству, въ прежнее время понуждавшему населеніе къ этому, какъ и къ однообразному типу построекъ. Селенія здѣсь небольшія: наибольшая деревня—Вельцевская—имѣетъ всего 60 дворовъ; расположены они, какъ уже сказано, около рѣкъ и рѣчекъ, да еще около проселочныхъ дорогъ, а по бокамъ селеній тянутся безконечныя лѣса.

Дома или вѣрнѣе сказать «хороны» строятся здѣсь, благодаря изобилію лѣсовъ, большіе: по лицу 5—6 саж., а въ длину со дворомъ до 12 саж. Окна въ домахъ бываютъ всегда о 6-ти стеколъ, хотя и меньшихъ (исключеніемъ служатъ лишь Ширыханово, гдѣ ужасно бѣдная постройка и вмѣсто стеколъ нерѣдко торчатъ тамъ бычачьи пузыри въ крошечныхъ рамкахъ). При вкѣдѣ въ ворота хороны первое, что бросается въ глаза, это — лѣстница на верхъ, устраиваемая очень круто, въ верху, направо отъ лѣстницы слѣдуетъ дверь въ общую комнату—«большая изба»—изъ общей на лѣво слѣдуетъ дверь въ особую комнату «горницу или «иношу», такъ сказать по мѣстному, есть если въ домѣ дѣвица невѣста. Въ переднемъ углу большой избы находится полка («нодовонникъ»), гдѣ обыкновенно помѣщаются св. иконы. Вмѣсто ступень лавки изъ толстаго теса, на верху, надъ лавками полавошники, на лѣво возлѣ дверей, ведущихъ въ особую комнату помѣщается печка—печака, въ большинствѣ случаевъ сбита изъ глины, а не изъ кирпича, складенная, у печки приделываются «сощекъ» (предпечь, а по бокамъ его слѣдуютъ «печушки». ¹⁾ Около печки устраиваются «воронцы», ²⁾ а затѣмъ „полати» (нары) для спанья

¹⁾ Печушка—небольшое углубленіе въ печи, для просушки чего-либо.

²⁾ Воронцы—пазлы для врынокъ и проч. утвари.

болѣе престарѣлымъ членамъ семьи, молодые же спятъ прямо на полу, разославши соломенный коверъ (щитъ). Что же касается горницы, то печка устраивается тамъ всегда изъ кирпича и обязательно «лежанка», дабы можно было со временемъ полежать на ней, погрѣться, оттого и называется лежанкой, погнѣвается она въ заднемъ углу горницы. Такая горница раздѣляется иногда заборкою, въ которую вдвигается небольшой шкафчикъ для посуды. Въ задней половинѣ, за заборкою, позволяетъ спать лишь взрослой дѣвѣцѣ или парню, смотря потому, кто изъ нихъ есть въ семьѣ, остальные же члены семейства не спятъ тамъ.

Это такъ называемые «передки», предназначенные для житья лѣтомъ и осенью, для зимы же устраиваются гдѣ-либо съ боку «передка» «зимовки», о которыхъ мы тоже считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Зимовка ничто иное, какъ простая, низкая изба, гдѣ и полъ настилается прямо на землю; окна въ зимовкѣ бывають маленькія, о два стеклышка только. Главная цѣль и достоинство зимовокъ, чтобы было въ нихъ тепло, а потому и устраивають ихъ не болѣе, какъ на 4-хъ саженьяхъ въ длину и ширину, съ большою печкою пекаркой посреди избы ¹⁾ Такиа зимовки имѣются почти у каждаго крестьянина въ Тавроногѣ, лишь въ Ширыхановѣ ихъ нѣтъ, такъ какъ тамъ и передки ничто иное, какъ тѣ-же зимовки.

Назади передка устраивается въѣздъ, по которому возятъ на сарай кормъ для скота, около въѣзда — клѣвы (хлѣвы) для зимняго погнѣнія скота, затѣмъ хлѣбный амбаръ и погребъ. — Посреди деревни, хотя бы она стояла на самомъ берегу рѣки или рѣчки, обязательно устраивается колодезь, откуда берутъ воду для скота.

Вся домашняя утварь, какъ я обувь, большою частью дѣлается здѣсь изъ березовой коры (лыка), исключая, конечно, горшковъ, крынокъ, дѣлаемыхъ изъ глины, и квашни, кадлуокъ, кадцей — дѣлаемыхъ изъ дерева. Изъ лыка дѣлаются: лукошко для муки, соломинки, чашки, пестери для ношенія на плечахъ щипы, зебенки, ворсинки, хлѣбницы (дорожная корзинка для пищевыхъ продуктовъ), бурешки (буракъ) и т. п. ²⁾.

Изъ земледѣльческихъ орудій известны здѣсь: соха, борона, коса, серпъ, грабли, вилы для складыванія сѣна въ промины ³⁾, молотилы (цѣль), пѣха, отдавалка ⁴⁾, кровкъ навозный и вилы.

Изъ экипажей, употребляемыхъ въ данной мѣстности, упоминаемъ слѣдующіе: а) лѣтная телега для возки наво а, на ней же и выѣзжаютъ куда-либо по далеко, орудѣ для возки сноповъ съ поля, волочин для возки бревенъ. У богатыхъ крестьянъ въ числѣ лѣтнихъ экипажей, имѣются и тарантасы, но, по устройству своему, они ни чѣмъ не отличаются отъ тарантасовъ другихъ мѣстностей, поэтому мы и не будемъ о нихъ говорить. б) Что касается зимнихъ экипажей, то они представляютъ больше разнообразіа, нежели лѣтніе; прежде всего упоминаемъ здѣсь о пошовняхъ. «Пошовня» — небольшія сани, внутри обитыя лубомъ; ѣздить на нихъ или въ гости куда-либо или въ церковь — только; затѣмъ слѣдуютъ розвальни, которыя по устройству сходны съ пошовнями, съ тою лишь разницею, что розвальни обиваются не лубомъ, а сосновой дранью, да еще тѣвъ, что бывають пошире, съ розваломъ; возятъ на нихъ какую нибудь кладь. — Бревенки, — сани для возки бревенъ, какъ показывается и самое названіе; дровни, — сани для возки дровъ или сѣна ⁵⁾; водовозки, — для возки воды. Въ заключеніе зимнихъ экипажей упоминаемъ еще о подсанкахъ: подсанки — небольшія сани-салазки, употребляемыя тоже при возкѣ бревенъ. Дѣло въ томъ, что на бревѣнки кладется комель бревна, а верхинна волочится при этомъ такъ по дорогѣ, и если далека перевозка, то отчасти стирается, дѣлается не круглою, во избѣ-

¹⁾ Печки въ зимовкахъ устраиваются почти всегда курные, безъ трубы.

²⁾ Образцы этихъ издѣлій а равно и модели строеній — прилагаются. Отправлены въ музей Имп. Академіи II. Ред.

³⁾ Промина — небольшой стожокъ сѣна.

⁴⁾ Отдавалка — длинная палка для водбрасыванія сноповъ при молоченьи.

⁵⁾ Модели экипажей прилагаются. Также сданы въ упомянутый музей. Ред.

жало-то себе въ послѣднее время и придумали класть и вершину бревна на санки-сазаны, отчего и дерево не портится, да и для перевозки легче.

б) Одежда.

Что касается одежды, то вся она большею частью состоитъ изъ домашнего сукна или холста, исключая лишь женской. Женщины въ послѣднее время стали шить свои наряды изъ покупныхъ матерій, причѣмъ первое мѣсто отводится кумачу. Вотъ главныя изъ одеждъ: Зимю мужчины для дороги нѣвють овчинный тулупъ, а за невѣнчившъ его, бѣдные обходятся и халатомъ изъ домашнего сукна, называемаго «сукманна»; какъ тотъ, такъ и другой шьется съ большимъ воротникомъ. При «уиравѣ» около дому носить полушубки, которые шьются изъ мѣстныхъ овчинъ и покрываются холстомъ «радиной». Въ праздники же носить «трееблинки», — родъ сибирки, съ 3-мя складками назади.

Женщины въ зимнее время тоже носятъ такія же шубы, что и у мужчинъ, покрываемыя холстомъ, выкрашеннымъ синею краскою. Не при домашнихъ «уиравахъ» обходятся «пенитомъ» изъ грубаго холста или длинною кофтой изъ сукманнины. Что же касается праздничной одежды въ зимнее время у женщинъ, то одѣваютъ онѣ, идучи куда-либо на празднованіе дня или въ церковь, обязательно «колодникъ», который у богатыхъ шьется изъ покупнаго сукна, а у бѣдныхъ изъ своего издѣлія. Одежда дѣвицъ зимою для выхода куда-либо въ праздники состоитъ изъ пальто, покрытаго у богатыхъ сукномъ, у бѣдныхъ какишъ нибудь казинетомъ; дома же дѣвицы обходятся кофтою изъ кумача, по подолу которую оторачиваютъ бѣлымъ суташемъ или каленкоромъ. Платья почти не носятъ въ Тавренгѣ, а нѣвются болѣе сарафаны, которые бывають изъ весьма разнообразной матеріи: изъ кумача, ситца, канауса, штофной матеріи и домашней сукманнины.

Лѣтомъ и осенью мужчины носятъ въ будни — «балахнѣ» изъ холста (шьется въ видѣ шляфона) для выхода, а въ праздники сибирки изъ покупнаго или домашнего сукна, или же «подоболочки» (родъ пиджака) изъ холста, выкрашеннаго кубовою краскою; въ праздники женщины и дѣвицы изъ верхней одежды носятъ въ это время кофты изъ казинету, которыя бывають иногда и безъ рукавовъ, какъ напр. «коротейки». Кромѣ кофты шьются женщинами и «новятюшки», отличающіяся отъ кофты тѣмъ, что не нѣвють сзади талия и борозъ (складокъ) и шьются всегда изъ ситца или кумача. Въ будни лѣтомъ дѣвицы обходятся дома одними сарафанами изъ холста или домашнего сукна, выкрашеннаго полосками въ разные цвѣта: красный, синій, бѣлый и желтый. Рубашки въ будни какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ обязательно изъ домашнего холста, но въ праздники надѣваютъ сѣтцевыя или кумачныя, хотя не всюду: въ Ширыхановѣ, напр., сѣтцевыхъ рубашекъ почти не существуетъ. Кромѣ того въ Ширыхановѣ дѣвицы, а равно и молодая женщины шьютъ себѣ еще «казачки». Казачекъ — это родъ кофты, нѣвющей назади три большія складки и «для красы» 3 пуговицы; по подолу обшивается онъ бѣлымъ каленкоромъ, а чаще своимъ полотномъ, но въ узенькую полоску — 1 вершокъ — и немножко повыше этой полоски нашивается еще суташъ въ два ряда. Шьются казачки всегда изъ кумача. Кофта же безрукавка или такъ называемая здѣсь «коротенья» шьется изъ плицу, а галуны по ней бывають и серебряныя; но, надо сказать, вслѣдствіе бѣдности населенія такія коротеньки въ послѣднее время стали въ рѣдкость и въ Ширыхановѣ, хотя ихъ тамъ особенно любили женщины.

Въ заключеніе я долженъ упомянуть здѣсь о «нарукавникахъ», носимыхъ всѣми крестьянами въ Тавренгѣ. Наружники — это нѣчто въ родѣ длиннаго жилета, шьется онъ изъ какого нибудь пеньковаго трека (трико) или верблюжьяго желтаго сукна, своей сукманнины и просто полотна, смотря по состоянію и по времени года; его называють — согрѣвать грудь.

Изъ головныхъ уборовъ извѣстны здѣсь слѣдующіе: мужчины носятъ шапки,

которыя шьются изъ овечьихъ шкурокъ или изъ заячьихъ, а также и кокушныя, большею частью «сажонки» педь бобрый видъ. Для дороги или работы въ лѣсу служить «долгоушки» изъ шкуръ молодыхъ оленей. Лѣтомъ же всѣ носятъ картузы.— Женскіе головные уборы состоятъ изъ платковъ ситцевыхъ, холщевыхъ, кумачныхъ и гарусныхъ, а также повойниковъ, кокошниковъ и борушекъ. Повойники носятъ большею частью молодыя замужнія женщины, а платки—дѣвками.

в) П и щ а.

Въ пищу здѣсь большое разнообразіе, особенно осенью, когда наростутъ грибы или, выражаясь по мѣстному, губа, да поспѣютъ и мѣстные овощи—картофель, рѣдька и лукъ. Изъ одной рѣдьки тогда дѣлаютъ до 12 кушаній. Понятно, вся эта осенняя пища мало питательна, но и то хорошо, хотя бываетъ ея въ изобиліи. Не то зимою, а особенно весною и лѣтомъ, въ страдную пору, когда еще новый хлѣбъ не поспѣлъ, а старый уже съѣденъ у бѣдняковъ (напр. въ Ширыхановѣ) и кушать не на что; говядины почти тоже ни у кого не бываетъ и овощи не поспѣли, а кругомъ работы по самое горло... Какъ смогасть бѣднякъ въ то время—лишь удивляться надо...

Зимою скоромный столъ у богатыхъ состоитъ изъ щей съ говядиной, молока кислаго или прѣснаго, картофеля въ корѣ; по праздникамъ прибавляется еще къ этому каша изъ ячменя и какіе нибудь пироги. У бѣдняка же рѣдко скоромныя щи и молоко, а большею частью овсяные, т. е. изъ овсяной крупы, затѣмъ кислое молоко, если оно нѣвется, горохъ или грибы. Къ празднику пекутся пироги у всѣхъ. Постный столъ богатые разнообразятъ, кромѣ упомянутыхъ постныхъ щей, еще рыбой треской или сайдой, да солонатию на постномъ маслѣ. Рѣдька же, какъ и картофель подается въ постный день у тѣхъ и у другихъ, съ тою лишь разницею, что бѣдняки ѣдятъ ея безъ масла, тертую или изрѣзанную на мелку въ квасу, а богачи прибавляютъ туда ложки 2 еще постнаго масла для «скуса»,

Весною и лѣтомъ пища уже не такъ разнообразна, какъ зимою: богачи ѣдятъ по скоромнымъ днямъ щи, но изъ вяленой говядины, т. е. изъ солонины, высушенной на солнцекрѣ, а за щами слѣдуетъ молоко съ толокномъ и прибавивъ къ этому хлѣбъ, а въ праздники «житные» пироги, весь и столъ богача. Бѣднякъ же и этого не нѣветъ; онъ довольствуется по прежнему щами изъ овсяной крупы, сушеныхъ грибовъ, если они не всѣ еще съѣдены, да хлѣбъ наполовину овсяной—вотъ и все ¹⁾; бывають въ праздники и у нихъ пироги, но не житные, а большею частью овсяные. Когда поспѣетъ лукъ (около 20 Іюня), тогда изъ луку дѣлають нѣсколько «похлѣбшекъ»: луковая трава съ квасомъ и солью, лукъ вареный и т. п. По постнымъ днямъ ѣдятъ богачи тоже самое, что бѣдняки по скоромнымъ; развѣ еще добавляють—супомъ изъ сушеной трески или ершей, покупаемыхъ заблаговременно, еще зимою, къ сѣножатному времени. Каша изъ ячной или пшеной крупы варится лишь во время самаго сѣнокоса, да и то далеко не всѣми и не каждый день.

Но если мы обратимся къ осеннему времени, то всѣхъ кушаній, какія бывають на крестьянскомъ столѣ (хотя не за разъ, конечно), и не пересчитаешь! Мы уже не будемъ говорить ни о постныхъ или скоромныхъ щахъ, а скажемъ лишь о тѣхъ изъ кушаній, что въ это время приготовляють изъ овощей. Возьмемъ, напр., картофель: его ѣдятъ и просто такъ, въ корѣ, ѣдятъ очистивши кору и изрѣзавъ на мелку съ масломъ, ѣдятъ толченный, смѣшавъ съ молокомъ и проч. А также и относительно рѣдьки и лука: ѣдятъ ихъ крошенными въ водѣ, въ квасу, ѣдятъ рѣдьку и тертую, съ масломъ и безъ масла, съ квасомъ и такъ, «голюю». Изъ картофеля тертаго дѣлають кашу, куда кладется еще толченое конопляное сѣмя, и смѣсь эта, получающаяся

¹⁾ Развѣ еще позволить себѣ поѣсть «тапушки»; тапушка—это смѣсь овсянаго толокна съ квасомъ.

впрочемъ, названіе каши, ставится въ печь не надолго и когда сверху немножко поджарится,—считается готовою. Изъ картофеля же дѣлается и «селянка», получающая свое названіе потому, что въ смѣсь тертаго картофеля и воды кладется еще нѣсколько штукъ яицъ, тоже для «скуса». Приготовляютъ кашу изъ молока и житной муки, и она носитъ въ этомъ случаѣ не очень лестное названіе—«розмазня». Каша дѣлается изъ всевозможнаго, даже изъ коноплянаго сѣмени, смѣшаннаго съ мукою, наконецъ, изъ рьбы, и послѣдняя называется «рипницей». Изъ грибовъ варятъ супы, какъ изъ сырыхъ и просоленныхъ, такъ и изъ сухенныхъ, но искрошенныхъ намелко; послѣднее кушанье называется «губница».

Кромѣ неречисленныхъ кушаній, осенью, во время «дожинокъ», т. е. по окончаніи жатвы, дѣлаютъ еще «солонать». Солонать—самое лакомое блюдо во всей мѣстности, и дѣлается она такимъ образомъ: на водѣ (конечно кипяченой) замѣшивается густо толокно и, посоливши, кладутъ въ эту смѣсь скоромное масло, а затѣмъ и ѣдятъ ложками. Къ масляницѣ варятъ овсяной кашель, который ѣдятъ съ молокомъ и варятъ его въ огромномъ количествѣ, чтобы хватило на всю маслянную недѣлю. Дѣлается еще такъ называемая «заварка»; это—смѣсь овсяной муки и кипяченой воды—и только. Къ сваткамъ, надо еще сказать, дѣвцами варится брага, которою они и угощаютъ своихъ жениховъ. Брага готовится такъ: наливаютъ въ горшокъ воды и замѣшаютъ туда овсяной и ржаной муки известное количество, послѣ того горшокъ герметически закупориваютъ и ставятъ его на ночь въ печку. На утро разведутъ эту смѣсь еще водою и, прибавивъ немного хмѣлю, ставятъ горшокъ опять въ печку, только въ жарко топящуюся, дабы смѣсь эта прокипѣла и, когда она скипитъ, дадутъ отстоять, а затѣмъ пьютъ ее стаканами и потчуютъ свою молодежь.

Относительно же пироговъ, то изъ здѣсь тоже большое разнообразіе. Пекутся они изъ тѣста ржаного, овсянаго, житнаго, гороховаго или изъ смѣси разной муки. Начинка ихъ бываетъ рыбой (треской или палтусомъ), грибами, солонатомъ, капустою, рьбой, лукомъ, картофелемъ и т. п.

Вотъ нѣкоторые названія пироговъ: житники, приготовляемыя такъ: дѣлается изъ ржаной муки сочень и накладывается на него изъ ячной (житной) муки тѣсто; съ краевъ сочень защищивается, дабы не распалзлось тѣсто и — пирогъ готовъ въ печку.

Коровашки,—простые пироги изъ какогонибудь тѣста.

Картофельныя поливахи приготовляются такъ: дѣлается обыкновенный пирогъ—коровашникъ и сверху поливается толченымъ и смѣшаннымъ съ молокомъ картофелемъ. ватѣмъ и ставится въ печку. Также приготовляются и гороховыя поливахи. Всѣ пироги съ начинкою носятъ названіе по роду начинки, напр. если начинка состоитъ изъ грибовъ, то «губники», если изъ рьбы—«рипники», изъ рыбы—трески—«тресковники» и т. д.

Что же касается такихъ печеній, что только, по нашему мнѣнію, въ этой мѣстности и приготовляется, то слѣдуетъ упомянуть здѣсь о пирогахъ «калиткѣ», «хворосткѣ», «колобкѣ» и «шаньгахъ». Калитка готовится изъ «шастаннаго» тѣста¹⁾ и довольно значительныхъ размѣровъ—фунтовъ до 5-ти, средину же этого пирога наполняютъ солонатомъ. ѣдятъ его въ какой-либо праздникъ и всюю семьєю вѣсть. Хворостки—это соченьки изъ житной муки съ масломъ или сметаной. Колобки дѣлаются круглой формы изъ овсяной муки и поденя (оденокъ масла) или сметаны. Шаньги²⁾ пекутся изъ житной муки и помазываются сверху масломъ, а если они приготовлены на поминованіе родителей или вообще кого-либо изъ умершихъ родственниковъ, то помазываются снизу. Шаньги пекутся большею частью въ дни поминковъ или заговѣній.

¹⁾ Смѣсь ржаной, житной и овсяной муки.

²⁾ Шаньги—алашки.

Преданія, городища и находки.

Преданій про старину, въ особенности про народъ, извѣстный подъ именемъ Чуди, очень много въ данной мѣстности; можно не преувеличивая сказать, что въ каждой деревнѣ есть свои преданія о Чуди и вамъ укажутъ гдѣ, собственно и жили они, укажутъ также и слѣды ихъ жилищъ. Изъ этого можно заключить, что Чуди были здѣсь аборигенами края и русское племя уже впоследствии явилось сюда и вытѣснило ихъ далѣе на сѣверъ, въ «Корелу». По всѣмъ преданіямъ Чуди занимались хлѣбопашествомъ и главнымъ образомъ охотой на пушныхъ звѣрей, но рѣдко разбоємъ; вообще этотъ народъ былъ смирный, дружелюбный. Но такъ какъ край этотъ и въ настоящее время еще мало населенный, покрытый густыми, темными лѣсами, а въ то отдаленное время, понятно, былъ совсѣмъ непроходимый, дикій, то забѣгали сюда отъ преслѣдованія властей и жили нерѣдко настоящіе, «заправскіе» разбойники.

Такъ напр., по словамъ крестьянина дер. Зеленой, Черноусова, между деревнями: Лычнымъ-Боровскимъ (Таврентской волости) и Олюшиномъ (Морозовской волости) на половинѣ волоку—волокъ этотъ 22 вер.,—въ котловинѣ межъ двухъ большихъ по длинѣ своей горъ, въ прежнее время жила бѣглые солдаты числомъ 40 человекъ; занимались они разбоємъ и грабежамъ въ сосѣднихъ деревняхъ и награбленное имущество уносили въ этотъ лого, который поному и въ настоящее время еще называется «разбойнымъ логомъ». Разбойники нерѣдко приносили туда вмѣстѣ съ награбленнымъ имуществомъ и молодыхъ женщинъ, случайно попавшихся имъ въ лѣсу или деревнѣ, но находившихся безъ защиты, и горе было тогда несчастной: ее держали тамъ, въ лого, по 2—3 недѣли и до того замучивали, что еле живую выпускали оттуда, предварительно взявши съ нея вѣтвенное обещаніе не открывать ихъ жилища (впрочемъ, часто завязывали глаза ей, чтобы она и сама не знала куда ее тащатъ) и причины своего отсутствія своему мужу, отцу и т. п., а сваливала бы это на черта, лѣшаго, что онъ де водилъ меня по лѣсу. Не исполненной этого наказа грозила смерть. Въ этотъ лого, въ горѣ сдѣлавъ былъ у нихъ поселокъ,—нора который сверху былъ покрытъ камнями, а дымъ отъ печки былъ проведенъ въ дупло громадѣйшей осины, дабы онъ разсѣвался въ высотѣ и съ земли не былъ бы виденъ. Поселокъ ихъ никому не былъ извѣстенъ, кромѣ одного крестьянина, по фамиліи Мяхшикова, о которомъ будетъ рѣчь впереди. Когда «наши» будутъ преслѣдовать ихъ, то они убѣгутъ въ лѣсъ и совершенно какъ бы исчезнутъ тамъ—никто не могъ ихъ найти; вѣроятно поэтому и называется ихъ народъ въ вѣкоторыхъ преданіяхъ, нами слышанныхъ, «волшебниками», приписывая имъ чудодѣйственную силу, способность обращаться въ другое животное и т. п. Но мы будемъ продолжать это преданіе пока только со словъ Черноусова.—Съ жителями деревни Лычно-Боровской, какъ ближайшими сосѣдями, разбойники жили дружно, особенно друженъ былъ самъ атаманъ ихъ съ крестьяниномъ той деревни Мяхшиковымъ, потомки котораго и до сихъ норъ живы. Черезъ Мяхшикова разбойники въ послѣдствіи и приняли смерть. Дѣло, по преданію, вышло вотъ изъ-за чего: самъ-ли атаманъ или кто-либо другой изъ его шайки, разъ укралъ у Мяхшикова все толокно изъ лукошка (по другому преданію—закрошь муки) и въ пустое испражнялся. Это Мяхшикова сильно оскорбило и между ними произошла въ лѣсу ссора. «Ты, говорилъ Мяхшиковъ атаману,—послѣ этого не довго и наживешь здѣсь...» Атаманъ похвалялся сплю, тогда Мяхшиковъ вырубилъ двѣ щепки, себѣ изъ осины, а ему изъ березы и говорить: «Если ты меня сильнѣе, то изгрызи зубами мою щепку, а я твою изгрызу. Разбойникъ какъ ни грызъ, по основной щепки не могъ перегрызть, а Мяхшиковъ его березовую изгрызъ всю. Видитъ атаманъ, что Мяхшиковъ оказывается сильнѣе его, повѣспилъ свою голову и побрелъ въ свое логовище. Мяхшиковъ же, не долго думая, взбунтилъ весь окрестный народъ, вооружилъ ихъ чѣмъ только могъ, и сталъ собираться на бой съ разбойниками, взявши съ собою пѣтуха. Когда пѣтухъ пропоетъ свое «ку-ку», (обыкновенно въ полночь), тогда и рѣшено напасть на разбойниковъ, которые въ это время спятъ крѣпкимъ сномъ.

Истухъ прогаль. Двинулись къ логовищу, Мякишиковъ и говорить своимъ товарищамъ: «Смотрите на те дерево,—указалъ онъ,—и заприщайте, куда идетъ дымъ? если на насъ, то намъ не побѣдить, а если отъ насъ, те побѣдимъ!» Посмотрѣли и видятъ, что дымъ идетъ отъ нихъ прочь, обрадовались «наши» и бросились къ логовищу. Такъ и случилось: не успѣли разбойники повскакать со своихъ постелей, какъ «наши» уже окружали ихъ со всѣхъ сторонъ; видѣть атаманъ, что проснулся, что дѣло ихъ погибшее... Некоторые изъ разбойниковъ хотѣли было защищаться и бѣжать въ лѣса, но атаманъ запретилъ имъ... «Видно, говорить, намъ пришло время погибать!» «Эхъ, братья! обратися онъ затѣмъ къ Мякишикову,—не изъ-за чего ты рассердился на меня?... и, выстрѣливъ въ себя изъ пистолета, тутъ же и повалился на землю. Наши всѣхъ разбойниковъ прибили, а ружья ихъ раздѣлили между собою. Ружья были у разбойниковъ большія, «фузекъ» и въ медальнее еще; сравнительно, время можно было ихъ видѣть въ Тавренѣхъ, такъ какъ они хранились долго у многихъ крестьянъ.

Другое преданіе говорить, что тутъ жили волшебники, волшебство которыхъ заключалось въ томъ, что ихъ ничѣмъ не могли взять, побѣдить, такъ какъ они изъ своего логовища пускали въ «нашихъ» огонь. Вывало, какъ только наши подойдутъ къ логу, такъ оттуда цѣлыя головы съ огнемъ и полетятъ на нихъ, и нѣтъ возможности подойти близко къ логу. Взять ихъ нашихъ удалось лишь тогда, когда напѣлся кодуку Мякишиковъ, равный ихнему, и началъ пускать встрѣчныя головки «обратно въ ихъ логовище. Увидя это, главный волшебникъ самъ сдѣлалъ нашихъ и, чтобы его долге не тиранили, а убили-бы сразу, самъ даже научилъ нашихъ, какъ это сдѣлать, а именно—ударить по головѣ осью изъ-подъ телги, что наши и исполнили.

Еще есть преданіе о томъ-же, записанное нами со словъ крестьянина деревни Ляцко-Боровской Ивана Григорьева. Будемъ передавать его словами: «Въ старину, дѣйствительно, жилъ тутъ (въ «разбойномъ логу») народъ, разбойники, и знались они съ нашихъ мужиковъ Мякишиковымъ, которой малолѣткомъ ндо бывъ взятъ разбойниками и долго у нихъ живъ, ему дали прозвище «Вайдановичъ», и онъ всю ихню подлоготу узнавъ и сбѣжавъ. Послѣ этого живъ дома, а когда у ево попутали разбойники въ дову (объ этомъ мы уже говорили), тогда Мякишиковъ собралъ всю волюсть и похотѣвъ отомстить. Пржежъ всево онъ похотѣвъ узнать: дѣйствуетъ-ли ево заговоръ, который онъ выучивъ тамъ, живши съ разбойниками, вотъ овъ взявъ пѣтуха и «заговоривъ» ево и велѣвъ всѣмъ стрілетъ въ ево, но какъ не стрілетъ, а пѣтухъ только скопочотъ — нечево ему не дѣлаетъ. «Ну, ребята, говорить Мякишиковъ,—мы побѣдимъ ихъ, а насъ не убьютъ!» Вотъ онъ заговоривъ всю свою артиль, въ полночь и пошли въ логъ. Приходятъ, а тамъ всѣ ситъ за-мертво. Вотъ Мякишиковъ снявъ у атамана сапогъ съ лѣвой ноги и ударивъ имъ атаману прямо по носу, у того такъ и хлынула кровь изъ носа; всѣ разбойники неретрусилсъ, пустились въ бѣгство, которые разбѣжались, а другихъ наши убили, и атамана убили. Станъ у разбойниковъ былъ каменной въ горѣ.. Послѣ ихъ находили прежде мѣшочки серебра, а одинъ мужикъ изъ Олющина, по прозвищу «Сѣкаръ», тамъ тотъ и много будто-бы нашель этого серебра»...

Логъ этотъ пшущій эти строки лично видѣлъ, но, къ сожалѣнію, никакихъ слѣдовъ о пребываніи тамъ людей въ настоящее время не оказалось. Отлогіе снаты съ горъ танутся на вѣсколько верстъ, но круто спускаются и соединяются въ одно мѣсто саженъ по 10-ти съ той и другой стороны—только.

Въ шести верстахъ отъ деревни Зеленой, на такъ называемомъ «Шестаковѣ» меникѣ, въ прженое время жили Чуди, которые занимались хлѣбопашествомъ и охотой, слѣды ихъ нашихъ и до сихъ поръ замѣтны, не смотря на то, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была пашота, выросъ уже громадныхъ размѣровъ сосновый лѣсъ. Тутъ-же находится колодець, въ который, по преданію, Чуди зарыли все свое богатство и сверху завалили каменными плитами. Дно колодца, если вѣрять зеленовцамъ, и до сихъ поръ дѣйствительно представляетъ собою каменную плиту.

Вблизи деревни Якушевской, Тагрозского Общества, на правомъ берегу рѣки Вели, есть городокъ; имѣя все то мѣсто называется «городовое поле», которое и распахивается крестьянами той деревни. Приблизительный планъ этого «городка» прилагается здѣсь.

Преданіе, связанное съ этимъ городкомъ и записанное нами со словъ крестьянина деревни Якушевской Антона Сидоровскаго, говоритъ слѣдующее: Тутъ жилъ нѣкогда народъ Чудь и не платилъ этотъ народъ никому никакой дани. Когда же стали дѣлать переписи и приводить людей къ закону, то народъ этотъ, не устоявшій противъ нашей силы, побросавъ свои богатства въ заливъ рѣки, сдѣлалъ себѣ громадный плотъ и уплылъ далѣе внизъ по рѣкѣ Вели. Занимался этотъ народъ земледѣліемъ, охотою, ремеслами и торговлѣ. Была у нихъ мельница тутъ, остатки мельничныхъ принадлежностей находили еще на памяти Сидоровскаго, кромѣ мельницы они нигде еще и крутицу, гдѣ выдѣлывали очень искусныя замки и тонорики; въ послѣдствіи наши мужики часто таковыя находили тутъ, в не давно еще—лѣтъ 30 назадъ—найдено было замочъ и топоръ. Замочъ былъ взятъ мѣстнымъ священникомъ отцомъ Осипомъ Кирилловымъ (теперь уже умершимъ) и посланъ былъ имъ куда-то, а топорикъ приобрѣтенъ иппушдигъ эти стрѣлки. Сданы жогъза и неску до сихъ поръ находятся въ этомъ полѣ въ нѣкожествѣ, что иппушдигъ эти стрѣлки лично выдѣл. Былъ у Чуды и колодезь, изъ котораго они брали воду и везли въ свой городокъ, такъ какъ онъ хотя находился надъ самою рѣкою, но спускъ въ нее у самаго городка былъ такой крутой и обрывистой, что дѣйствительно жителямъ ничего не оставалось дѣлать къ полученію воды ближе, какъ черезъ крутицу проложить дорогу къ рѣкѣ, гдѣ они устроили, какъ сказано, и мельницу и колодезь.

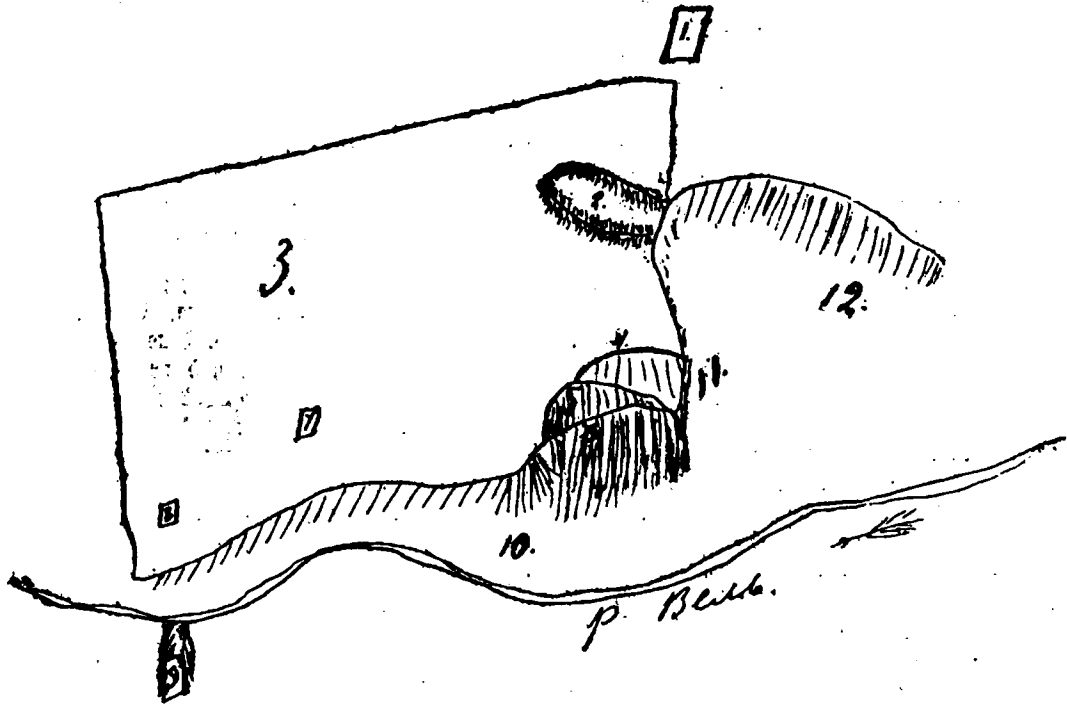
Но другіе преданія, Чудь сбѣжали оттого, что, какъ были «некрести», то ихъ хотѣли наши въ свою вѣру привести, а они не пожелади,—сдѣлали себѣ плотъ да и уплыли внизъ по рѣкѣ Вели, а иппушество свое зарыли противъ самой городской стѣны на другомъ—лѣвомъ—берегу рѣки Вели, въ сажовыхъ 10-ти отъ воды, подъ большую сосну. О таковомъ кладѣ были гдѣ-то «описи», но въ настоящее время утеряны, да и сосенъ тѣхъ уже нѣтъ; сохранилась только одна, но и та стоитъ саженъ на 30 выше по теченію рѣки, противъ указываемаго преданіемъ мѣста съ «кладомъ».

Городокъ этотъ находится на правомъ берегу рѣки Вели и въ крутой, какъ сказано, горѣ, видъ съ которой очень живописенъ; очевидно, обитатели его имѣли изысканный вкусъ. Стоитъ только взглянуть на эту, вѣроятно, нѣкогда бывшую тутъ гавань, гдѣ могли помѣщаться сотни судовъ, чтобы убѣдиться, что выборъ мѣста для торговаго былъ сдѣланъ удачно, даже очень удачно. Принимая во вниманіе, что у насъ-то тутъ народа была устроена и крутица, и мельница, — нельзя не придти къ тону заключенію, что или Чудь—народъ былъ развитой, культурный, (что весьма сомнительно) или это были не они, а какіе нибудь бѣглецы новгородцы, скрившіеся «въ лѣса» отъ гнѣва Іоанни Грознаго. Въ самомъ дѣлѣ, преданіе еще говоритъ, что городокъ этотъ былъ въ то время центромъ пушной торговли съ Чудью, которые продавали туда съ верховья рѣки Вели на своихъ «корабляхъ» изъ сосѣднихъ мѣстностей Олонецкой губернии, и случалось, что ихъ корабли (лодки, вѣроятно) разбивало даже буремъ; такъ наприхѣръ, по преданію, слышанному нами отъ Соболева въ селѣ Юнонаревскомъ, разъ чудской корабль разбило близъ деревни Фофаньки, отчего то мѣсто, гдѣ онъ утонулъ (теперь пожня) и до сихъ поръ называется «корабельникъ». Разъ это такъ, то очень вѣроятно, что жили тутъ нѣкто ивои, какъ бѣглецы новгородцы, исконно любившіе поторговать, особенно покупать и вымѣнивать у разныхъ ипородцовъ пушные товары. Не мудрено, что наши «власти» и узнали въ послѣдствіи объ ихъ мѣстобитаніи и быть можетъ хотѣли обложить ихъ известною данью за право торговли, а они не пожелади платить и уплыли далѣе, на новое жительство куда-либо. Все это было въ порядкѣ вещей въ то время, но только какъ согласовать съ этимъ слово «некрестъ», какіе имѣютъ ихъ преданіе?

Народное преданіе, записанное нами со словъ крестьянина деревни Коняшевской

Андрей Софронов, говоритъ, что вблизи этой деревни, на устьѣ рѣчки Большой То-манги, въ «досюдное» время жила партія бѣглыхъ солдатъ, сбѣжавшихъ со службы. У нихъ устроена была тутъ избушка, гдѣ они жили очень долго и куда въ послѣдствіи дѣлались—преданіе умалчиваетъ... Очевидно въ прѣжнее время бѣгство со службы было зауряднымъ явленіемъ.

Планъ городка при деревни Якушевской.

1. Деревня.—2. Городовой валъ, длиною 90 саж., высоту 1—1½ саж.—3. Поле, назыв. «Городовое».—4. Городовая стѣна, длиною 30 саж., высоту 1½ арш.—5. Выступъ горы, по свату надъ рѣкою сажень 12—15.—6. Тоже, сажени на 2 пониже.—7. Мѣсто кузницы.—8. Колодезь.—9. Мельничный валъ.—10. Пожня «Подгородище».—11. «Поганное» болото.—12. «Чистое» болото.

Расположеніе всего городка:

Городовой валъ находится отъ деревни въ 60 саженьяхъ; отъ вала до городской стѣны (№ 4) 60 саж., отъ стѣны до кузницы (№ 7) около 70 саж., отъ кузницы до колодца (№ 8) 30 саж., отъ колодца до рѣки 20 саж.

Близъ деревни Ермаковской, по словамъ крестьянина Федора Бубнова, тоже въ прѣжнее время жили люди, но то были по преданію Чудь. Жили они противъ Чирьякова плеса р. Вотчины, а на рѣкѣ этой была устроена у нихъ мельница, слань которой и до сихъ поръ замѣтна. Тамъ, гдѣ прежде жили Чудь, въ настоящее время распалана полянка, при распашкѣ которой выходили топоры, отличающіеся отъ нынѣшней формы тѣмъ, что остріе ихъ было узкое, а сами были длинныя.

При распашкѣ пустоши «Теврихи» крестьянами дер. Малой Горы, находили кирпичи и камни, а также замѣтны были борозды отъ древней пашни. Преданіе, по словамъ крестьянина той деревни Мирона Алексѣева, говоритъ, что тутъ жили Чудь, у которыхъ были устроены жилища въ горѣ, около которой и въ настоящее время находятся груды обломковъ кирпича и камня, каковыя груды и называются по мѣстному «каменцы»; около каменць была громадная яма, какъ бы колодезь, но завалена теперь землею. За рѣчкой Самсонихой и въ настоящее время есть яма «страшная»,

по словам вышеупомянутого крестьянина, но клязь она вырыта была и для какой-нибудь надобности—старики ничего не говорят.

Около деревни Лыдно-Завольской, въ полѣ, по преданію, есть кладъ, зарытый разбойниками. Кладъ этотъ находится подъ большіиъ камнемъ и состоитъ изъ изъ 12-ти фузей (ружей), наполненныхъ червонцами. Камень этотъ увезенъ однимъ крестьяниномъ подъ закладъ гумна, но клада подъ нимъ не оказалось. Однако, крестьянинъ Верещагинъ, живущій въ той-же деревнѣ, года 4—5 назадъ, распахивая землю, нашелъ мѣшочекъ съ мѣдными монетами, каковыя и передалъ будто бы мѣстному исправнику для обмѣна въ казначействѣ на новыя монеты ¹⁾. Замѣчательно, что деньги находились въ холщевомъ мѣшочкѣ, обвитомъ берестомъ, и мѣшочекъ этотъ совершенно сгнилъ, а береста была цѣла, и деньги въ ней еще могли храниться не вредно много вѣковъ. Должно быть, поэтому, извѣстно было и въ прежнее время противогнильное свойство бересты. (Сообщеніе волостнаго старшины Вострокнутова).

Близъ дер. Семеновской въ прежнее время жили Чуди, такъ же въ данное еще время, говоритъ крестьянинъ той деревни Василій Андреевскій, при распашкѣ Ромашина поля находили обломки кирпича отъ ихъ печекъ.

Въ с. Пономаревскомъ, а равно и въ дер. Зеленой есть такое преданіе, что первыми колонизаторами здѣшняго края были нѣкіе Шестаковъ и Распопа. Откуда они пришли сюда—преданіе умалчиваетъ, но Шестаковъ жилъ близъ дер. Зеленой, а Распопа—близъ села Пономаревского. Владѣнія ихъ были обширны, что видно по названію ихъ именемъ живыхъ урочищъ, раскинутыхъ чуть не по всей Тавренгѣ.

Жилище Распопы было укрѣплено на громадныхъ, въ два мужскихъ обхвата, столбахъ, однихъ изъ каковыхъ столбовъ еще на памяти стариковъ былъ вытѣсненъ изъ земли изъ-за того, что тутъ по какинъ-то «описанію» долженъ быть кладъ; но клада съ деньгами не оказалось, а нашли только пустой мѣшочекъ, тоже, что и въ дер. Лыдно-Завольской, обвитый берестомъ, которая вполне уцѣлѣла. Крестьяне очевидно этого утверждаютъ, что тутъ было колдовство какое-нибудь положено. Куда дѣлись Шестаковъ и Распопа—преданіе умалчиваетъ, только говоритъ, что Распопа всѣ свои владѣнія продалъ нѣкому Лущкову, фамилія послѣдняго существуетъ и по настоящее время.

Послѣ долгаго времени появились въ Тавренгѣ нѣкто Потаковъ и тоже завладѣлъ многими лучшими землями и производилъ вновь расчиску сѣнокосовъ и распашку земли на многіе десятки верстъ, но вскорѣ случилось крѣпостное право и положилъ конецъ его захватамъ или, выражаясь по ученому, «свободной заимкѣ», а также и личной перекочевкѣ его съ мѣста на мѣсто. Крѣпостное право ему было такъ «не любю», что онъ даже заплакалъ при этомъ извѣстїи, такъ какъ онъ не любилъ жить по долгу на одномъ мѣстѣ и сюда явился уже на 8-е мѣсто въ теченїи своей жизни; крѣпостное же право, какъ извѣстно, положило конецъ подобному бродяжничеству.

Въ 2-хъ верстахъ отъ села Пономаревского прежде жили Чудъ и устроилъ былъ у нихъ городокъ, гдѣ они и торговали; были даже ярмарки. Мѣсто это въ настоящее время частью распахано, а частью заросло лѣсомъ; были тутъ прежде и колодцы, но теперь засыхались землею.

Въ «Препалой» били ²⁾ есть каменная гора, которая была будто бы сдѣлана искусственно Чудью, гдѣ они жили и все свое имущество подъ нею хранили. Крестьянами ближайшихъ деревень были дѣлаемы нѣсколько разъ попытки разсыпать этотъ кладъ, но кончились безуспѣшно, такъ какъ камни оказались такихъ громадныхъ размѣровъ, что поднять или хоти бы сдвинуть съ мѣста не хватало силы у искателей клада. Виль эта находится въ 15-ти верстахъ отъ дер. Великовой.

¹⁾ Крестьянинъ Иванъ Бабай, той же деревни, лѣтъ 50 тому назадъ тоже разъ нашелъ кувшинъ серебра въ небольшой горюшкѣ, называемой „объѣзжай“.

²⁾ Виль—большой словый лѣсъ.

По сообщенію крестьянина дер. Великополя Алексѣя Ерасимовскаго, кладъ этотъ находится за Гремучіймъ ручьемъ возлѣ рѣчки Самженъгу и состоитъ онъ изъ разныхъ дорожныхъ сокровищъ отъ ограбленныхъ разбойниками гдѣ-то трехъ церквей. Около же самой деревни Великополя прежде находили сошники отъ сохъ, и, по преданію, тутъ прежде жили Чуди, которые и занимались хлѣбопашествомъ; слѣды ихъ пашни, а равно и каменцы—слѣды изъ жельзы—замѣтны еще и теперь. Чудь жила ранѣе разбойниковъ: объ исчезновеніи ея преданіе говоритъ слѣдующее: Когда православная вѣра стала распространяться съ Вологды и здѣсь, то Чуди, не желая перемѣнить вѣру своихъ предковъ, наметали (сбили) себѣ нужное количество плотовъ и уплыли внизъ по р. Вели къ Архангельску. Преданіе также говоритъ, что здѣсь нѣкогда былъ винный заводъ, на которомъ куриль вино мѣстный крестьянинъ этой же—Великополя—деревни. Заводъ былъ устроенъ на ключу, не далеко отъ деревни, еще въ недавнее время нашли на томъ мѣстѣ жельзныи обручъ съ чана.

Возлѣ деревни Зубакинской, по сообщенію крестьянина той деревни Авакуна Второва, есть тоже городище, какъ и при дер. Якушевской и тоже надъ самою р. Велью, между ручьями Фетюфиномъ и Пашкинномъ. На этомъ городищѣ есть не большая, но чрезвычайно крутая горушка—холмъ, на ней или около него и жили въ прежнее время Чуди.

Около деревни Пуминова, по сообщенію крестьянина той деревни Никифора Андреевскаго, тоже въ «досудное» время жили Чуди и былъ у нихъ устроенъ свой поселокъ, каменцы отъ котораго и до сихъ поръ сохранились. Поселокъ этотъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь распахано поле подъ названіемъ Большое, и Чудью зарыть тутъ, по преданію, кладъ, отчего часть этого поля и по настоящее время носитъ названіе «кладовъчѣ». Каменцы расположены между собою въ видѣ правильного полукруга.

Противъ дер. Дьяковской (Нижней-Подюгъ), на правомъ берегу р. Подюги, прежде тоже жила Чудь и была у нихъ выстроена дѣлая деревня, носившая названіе «Лобановой горки»; слѣды этой деревни, а именно обломки кирпича и каменцы замѣтны и во настоящее время. На лѣвомъ берегу Подюги, возлѣ ту же деревню Дьяковскую тоже жилъ какой то народъ, но преданіе не говоритъ, что то были Чуди; тутъ были и колодцы выкопаны у этого народа. Въ настоящее время мѣсто это находится подъ пашней, поле, которое поэтому и называется «володецкымъ».

Посреди рѣки Подюги, въ 5-ти верстахъ отъ деревни Велико-Николаевской (въ Верхней-Подюгѣ), считая внизъ по теченію, есть такъ называемый «Богатой мысъ», гдѣ, по преданію, въ древнія времена утонуло судно, нагруженное мѣдною посудю, почему и самый мысъ образовался и названъ былъ въ послѣдствіи «Богатымъ».

Въ 2½ верстахъ отъ деревни Велико-Николаевской (въ Верхней-Подюгѣ), на лѣвомъ берегу р. Подюги есть городище, имѣющее форму неправильнаго квадрата, какъ видно изъ прилагаемаго наброска. Городище это находится на проселочной дорогѣ, ведущей съ Верхней на Нижнюю-Подюгу, отъ рѣки онъ отстоитъ въ 40 саженьяхъ, высота городища или «города» къ рѣкѣ, считая по покатости 100 шаговъ или 30 саж., а отвѣсомъ приблизительно сажевъ 10—12-ть, а вокругъ всего городища 436 шаговъ или 145 саж. По направленію къ р. Подюгѣ есть выступъ сажени на двѣ пониже вершины городища, возлѣ его—небольшой продолговатый логъ. Вся земля, занимаемая городищемъ, густо покрыта камнями, въ особенности по краямъ его, гдѣ камни навалено въ 4—5 рядовъ сверхъ земли, какъ будто прежде была тутъ стѣна или валъ, въ послѣдствіи разсыпавшійся. Преданіе, записанное нами и со словъ крестьянина дер. Велико-Николаевской Ксенофонта Порозина, говоритъ слѣдующее: тутъ прежде жилъ какой то народъ, и былъ устроенъ у нихъ городъ весь изъ камня, но камины то другіи народомъ жителей этого города были убиты и самый городъ былъ разрушенъ. Другое преданіе говоритъ, что камень этотъ выпалъ изъ тучи. Но такъ или иначе, а вся эта гора состоитъ изъ камней, земли почти совершенно нѣтъ, да и камни все «посильные» людямъ и какъ будто уложены ру-

камн. Такъ, напр., рассказываютъ Порозинъ, что изъ ихъ деревни одинъ мужичекъ рылся въ этомъ городкѣ, выкопалъ яму около 2-хъ саж. глубины, но и тамъ все такой же камень находилъ, какъ и на поверхности. Замѣчательно, что по загорѣдницу камня почти совсѣмъ пѣтъ.

Въ 5-ти верстахъ отъ этого городища, вверхъ по теченію рѣчки Кварсанги, какъ говоритъ преданіе, дѣйствительно жили Чуди. Изъ жизни ихъ извѣстно лишь одно, что въ одинъ годъ они страшно голодали и дѣло дошло до того, что «нашихъ» нельзя стало оставлять дома однихъ женщинъ или дѣтей—силой отбивали у нихъ корованъ хлѣба, отчего то мѣсто, гдѣ они жили и до сихъ поръ называется «коровашникъ».

Клады въ Верхней-Подюгѣ, но преданію, три: 1-й на Майдановой пожгѣ, зарытъ въ небольшой горюшкѣ; 2-й на Поточной горѣ подъ камнемъ, на которомъ было изображено конское копыто. Камень этотъ будто бы взятъ уже однимъ крестьяниномъ подъ закладъ гумна, но кладу подъ нимъ не замѣчено. 3-й кладъ находится въ мѣстности, называемой «гарь» и тоже зарытъ подъ камнемъ въ горюшкѣ. Были дѣлаемы мѣстными крестьянами попытки къ отысканію этого послѣдняго клада, но безуспѣшно, такъ какъ вся горюшка состоитъ изъ каменной-плиты, поднять которая или хотя бы сдвинуть съ мѣста крестьяне были не въ состояніи.

Влвѣз деревень: Русинова и Грибановой-Горы (въ Ширыхановѣ) въ мѣстности, называемой «Костыли» и у ручья Пурново, по преданію, въ прежнее время жилъ какой-то народъ; одинъ называлъ его Чудымъ, другіе—старовѣрами. Выли у нихъ погреба и колодцы, въ одномъ изъ послѣднихъ даже зарыта или серебряная столовая посуда, была у нихъ и часовня, только по своей вѣрѣ. Говорятъ, что слѣды ихъ строеній (кирпичи, камни, ямы) и до сихъ поръ замѣтны. Сбѣжалъ отсюда этотъ народъ оттого, какъ говорилъ плуццу сн строки крестьянинъ дер. Русинова Терентій Челпановъ, что начали ихъ принуждать силою перейти въ нашу православную вѣру, а они этого не хотѣли и скрылись «въ лѣса». Рассказываютъ далѣе, что одна дѣвица не успѣла убѣжать, такъ бросилась въ колодець и утонула, а другая—дома закололась ножомъ.

Тотъ же Челпановъ говоритъ, что около этихъ деревень жили еще 40 разбойниковъ, жилищъ у нихъ не было устроено, а жили прямо на землѣ, на мысу среди Кунева болота и занимались грабежемъ окрестныхъ селеній на далекое разстояніе. Дѣло доходило до того, что отъ ихъ разбоя и грабежа просто стономъ стоналъ народъ; ида на работу ужъ ничего не оставляя въ дому—все покрадутъ, а женщинъ насилуютъ. Между тѣмъ поймать, прибить ихъ было чрезвычайно трудно, такъ какъ подойти къ нимъ топкихъ и вязучихъ болотомъ—дѣло не легкое, да они же были и крайне осторожны: оставляли всегда около своего мыса человека на караулѣ, который залѣзалъ на высокую сосну, откуда, обыкновенно незамѣтнымъ образомъ, и давалъ знать своимъ товарищамъ въ случаѣ ихъ подхода къ болоту, когда на немъ есть и «наши», в тѣ, конечно разбѣгалась по лѣсамъ. Но наконецъ, нашелся и изъ нашихъ одинъ «способной», который перехитрилъ разбойниковъ, это былъ нѣкій пономаревичъ (сынъ пономаря) съ Мехрекиги, Олонцкой губ., который собралъ партію народу, вооружилъ кого и чѣмъ могъ и отправился изгонять эту «разбойную» шайку. Придя къ Куневу болоту, пономаревичъ велѣлъ своей артели переобуть лапти, надѣть патками впередъ, а носками назадъ и такъ шествовать къ разбойному мысу. Это имъ было сдѣлано для того, чтобы разбѣжавшіеся на разбой и грабежъ разбойники не пугались ихъ слѣдовъ, а скончались бы къ своимъ жилищамъ или, вѣрнѣе сказать, въ излюбленное мѣсто для ночлега, что «наши» были-де да ушли. Подоидя къ мысу, пономаревичъ замѣтилъ на соснѣ человека и приказалъ заколоть, караульный скочилъ съ дерева и хотѣлъ было убѣжать, но Васька Соболевъ догналъ его и прикололъ. Послѣ этого пономаревичъ всѣхъ товарищей своихъ рассадилъ по тайнымъ мѣстамъ. Разбойники скончались не къ одно время: соберется 5—6 человекъ къ болоту и замѣта слѣды нашихъ и по нимъ видятъ, что тѣ прошли обратно, къ тому же не получая съ сосны никакого сигнала, воплнѣ увѣренные въ безопасности своей, подойдутъ къ мысу, а пономаревичъ со своей артелью тутъ какъ

тутъ — не успѣютъ тѣ и въ себя придти отъ неожиданности, какъ ихъ всѣхъ и прикуютъ наши. Такимъ образомъ вся разбойничья шайка въ одну ночь была пририта по-комареничемъ, — ни одинъ человѣкъ не спасся.

Противъ деревни Хмѣлеванской (въ Ширыхановѣ), за рѣкой Подюгой, тоже въ прежнее время, по словамъ крестьянина Михаила Боровникова, жили Чуди или другой какой-либо народъ. Народъ этотъ жилъ мирно, но куда они исчезли — преданіе умалчиваетъ. Тамъ же, около рѣчки Тавренъги, въ одной верстѣ отъ проселочной дороги есть три замѣчательныя ямы: глубиною они будутъ сажень 10—12, а въ окружности по поверхности земли около 8-ми саж., дно-же имѣтъ узкое, но воды въ нихъ нѣтъ. Что это за ямы? — неизвѣстно, говоритъ, что будто бы когда-то онѣ образовались сами-собой — сдѣлался провалъ земли... Ужъ не землетрасеніе-ли бывало?...

Близъ дер. Вельцевской или по просту «Вельцы», какъ зовется она тамъ, на ширыхановскомъ волоку есть гора «Калитка», на которой прежде жили Чуди, былъ у нихъ тамъ городокъ, а самая гора служила имъ крѣпостью. Вся гора можно съ увѣренностью сказать, искусственно сдѣлана, насыпаная, а не естественно образовавшаяся. Вся мѣстность вокругъ городка называется «городовымъ боромъ», урочища около городка или крѣпости, такъ сказать называются «Пырѣвская» (пожня), «Уземца», «Городской ручей», «Вродъ». Городокъ этотъ на лѣвомъ берегу р. Подюги, въ 40—50 саж. отъ послѣдней, и имѣетъ видъ какъ бы крѣпостнаго вала или сторожеваго поста, какъ видно изъ приложеннаго здѣсь рисунка. Длинною стѣна или валъ имѣетъ 265 шаговъ или около 90 саж., высотой по отвѣсу 8 саж., въ концѣ горы имѣется небольшая площадь, около 100 квадр. сажень, въ остальныхъ же мѣстахъ гора совершенно овальная, и все это заросло большимъ сосновымъ лѣсомъ. Вокругъ городка — низина, какъ бы земля была взята на эту гору или крѣпость, невозможно подалѣе въ саженахъ 10-ти опять идетъ возвышеніе и тянется оно гребнемъ около 1 версты все по дорогѣ въ Ширыханово; видно же возвышеніе похоже на берегъ вокругъ какого нибудь озера или болота. Очень можетъ быть, что въ прежнія, древнія времена тутъ было топкое, болотистое мѣсто, среди-то его, ради неприступности, и была устроена Чудью эта крѣпость съ городкомъ.

Кромѣ того въ этой деревнѣ существуетъ еще преданіе, какъ говорилъ пишущему эти строки крестьянинъ той деревнѣ Евдокимъ Жуковъ, что въ 4-хъ верстахъ отъ деревни, въ мѣстности, называемой «Сирѣлицы», тоже въ прежнее время жили Чуди и занимались они хлѣбопашествомъ и охотой за пушными звѣрями. Лѣтъ 30 — 40 тому назадъ найдена была на соснѣ повѣщенной ихъ соха, устройствомъ своимъ нѣсколько разнаящаяся съ теперешнею; слѣды же бороздъ ихъ пашни замѣтны и до сихъ поръ; есть ямы, какъ бы то были прежде колодцы. Не подалеку отъ этого мѣста, на горѣ Ятѣ, говоритъ преданіе, зарытъ въ землю Чудями кладъ, но изъ чего онъ состоитъ — преданіе умалчиваетъ. Были дѣлаемы попытки со стороны крестьянъ дер. Вельцевской къ отысканію этого клада, даже не однажды рылись въ землѣ, но ничего не могли найти. Куда скрылась Чудь и по какому случаю — неизвѣстно.

На разстояніи одной версты отъ деревни Давыдовской (Хмельники) была въ прежнее время еще очень большая деревня, какъ говорилъ намъ крестьянинъ Рудакъ, называвшаяся «Великой Дворь» и была первою въ волости по числу дворовъ, но жители этой деревни «сбѣжали». Вотъ какъ это случилось: когда выпелъ законъ брать «подымный» сборъ, то жители этой деревни до того испугались этого налога, что, не долго думая, собрались, уложили на возы все свое имущество и уѣхали неизвѣстно куда, а для того, чтобы ихъ сосѣди, жители другихъ деревень, скорѣе не узнали объ ихъ бѣгствѣ, для того они, уѣзжая, затопили печки, дабы всѣ видѣли дымъ изъ трубъ и не подозрѣвали бы, да оставили и пѣтуховъ, чтобы слышно было ихъ вѣніе. Когда узнали сосѣди, то дѣйствительно оставлены были только одни пѣтухи, остальное все увезено. Какой тутъ народъ жилъ, нашъ-ли, чудской-ли — преданіе умалчиваетъ. Послѣ, чрезъ много лѣтъ уже, будто бы старики видали ввуха сбѣжавшихъ въ Москвѣ, да и въ Петербургѣ будто-бы есть до сихъ поръ кушцы Тирин-

гнии, которые якобы происходят от сбывавшихся отсюда, крестьянъ бывшей деревни Великаго Двора. Въ этой же деревнѣ Давыдовской есть поле, послѣднее до сихъ поръ названіе «Тырипно»¹⁾, данное по фамиліи сбывавшаго крестьянина, какъ впервые распахавшаго это поле.

Но Чудь все-же жила здѣсь, говоритъ Рудаковъ, и занимались они кромѣ хлѣбопашества и охоты еще и рыбною ловлей; такъ напр. и до сихъ поръ около дер. Тончиковской въ рѣкѣ Вели существуетъ поперекъ рѣки ихъ каменная стѣна—«за-ваокъ», въ которой они ставили морды (верши) и ванды. Противъ этой каменной стѣны, въ 100 саженихъ отъ р. Вели, есть курганъ, называемый «Пупчикъ», въ окружности онъ имѣетъ у подножія 90 саж., водѣмъ на него—45 шаговъ или около 15 саж., на верху площадь въ длину 7 саж. По преданію надо этихъ «пупчиковъ» зарыть кладъ Чудью. Курганъ этотъ былъ нѣсколько разрытъ окружающимъ надзира-телемъ вельскаго удѣльнаго имѣнія г. М., но ничего не найдено. Около этого же мѣста былъ у Чуди колодець, въ который они опустили разную посуду и другую домашнюю утварь, изъ серебра сдѣланную, но колодець этотъ въ настоящее время затануло землею. (Сообщ. крестьяниномъ Федоромъ Лискичемъ).

О каменномъ станѣ въ «Пропапой» били (см. стр. 75), по словамъ Федора Лискича есть еще слѣдующее преданіе: Стана этого никто изъ нашихъ крестьянъ не зналъ, такъ какъ находится далеко отъ деревень въ сузѣмѣ²⁾, куда никто и за охотой не ходилъ. Но вотъ, разъ, къ нищему Евилу на Вагѣ подходитъ какой-то старичекъ и говоритъ ему, что «въ такой-то билѣ, столько-то верстъ отъ деревни, около такой-то рѣчки, пойдѣ и найдешь каменный станъ, тутъ жили разбойники и все свое награбленное имущество зарыли подъ этихъ станомъ, одного серебра пивной котель зарытъ»... Нищенскій этотъ приходитъ въ Хиельники и рассказываетъ то одному, то другому крестьянину объ этомъ; обрадовались мужички, собралась цѣлая артель и пошли искать этотъ станъ. И что же? какъ говоритъ нищенскій, въ томъ мѣстѣ дѣйствительно и нашли каменный станъ, но сколько ни рыли землю, сколько не отваливали камень, однако, влада не смыслили, — «не дался въ руки», заключилъ Лискичъ.

Въ Кулижномъ полѣ дер. Тончиковской есть тоже небольшой холмъ и тоже называется «пупчикъ», въ срединѣ котораго, по преданію, говоритъ намъ крестьянинъ той деревни Григорій Мауринъ,—есть кладъ серебра, зарытый Чудью, которые около деревни этой долго жили. Далѣе говоритъ преданіе, Чуди скрылись въ лѣса и на вѣкъ покинули свое убѣжище въ здѣшнемъ мѣстѣ изъ-за того, что съ нихъ стали требовать какую-то дань, они не пожелали платить и разбѣжались всѣ по дикимъ лѣсамъ.

Около дер. Заручевиной (Тавренгскаго острова), по словамъ крестьянина Степана Пестерева, тоже въ прежнее время жили Чуди и занимались они хлѣбопашествомъ и охотой. Слѣды ихъ пашни—борозды—и до сихъ поръ еще замѣтны въ мѣстѣ, называемомъ «Федѣво», что въ посектинѣ. Убѣжали они отсюда тоже изъ-за дани, которую стали требовать съ нихъ; но какая то была дань и кто требовалъ?—преданіе умалчиваетъ. Послѣ того одинъ крестьянинъ дер. Першенской нашелъ топоръ (сѣкира). Эта сѣкира или вѣрѣе—обломокъ ея приобрѣтенъ мною.

Около дер. Слобочкова, по словамъ крестьянина Федора Коженикова, въ прежнее время тоже жили Чуди и занимались они хлѣбопашествомъ и охотой. Слѣды ихъ пашни—борозды—и до сихъ поръ замѣтны, хотя тутъ выросъ уже довольно крупный лѣсъ; замѣтны также ямы, каменцы и т. п. Жили они на двухъ горюшкахъ, называемыхъ одна «Лисей», другая—«Подострежной».

Около деревень Фофанинъ и Харитоновской тоже жили Чуди, но это пре-

¹⁾ Въ этомъ полѣ, по преданію, тоже есть кладъ.

²⁾ Сузѣмъ—дикій, непроходимый лѣсъ.

данію им буквально передадутъ здѣсь тѣми словами, какъ рассказывалъ крестьянинъ той (Фофанки) деревни Илья Хайдуковъ, слышувшій самъ потомкомъ Чудъ: «Около нашей деревни дѣйствительно жила Чудъ, за Шурханкой (новинка) и была у нихъ фабрика, только чего они дѣлали не знаю, около фабрики былъ родничокъ (но-додецъ), ама эта и ночь знать. Чудъ погблин, вотъ какъ было дѣло: выкопая яны-глубома, наставили столбовъ, навалили сверху каменья, зажали туды, столбы подрубили, ихъ всѣхъ я задавило... Насъ и теперь нице возуть Чудами и а хотѣны было переимѣнить фамиль свою, будто не русская, да ночь не далъ, говоритъ: все равно фамиль, только молись Богу»...

Близъ дер. Копчевской, въ мѣстности, называемой «Заотводковской мостъ» тоже жила Чудъ, занимавшіеся, какъ и всюду, хлѣбопашествомъ и охотою, бородаы ихъ пашни, а равно и каменцы отъ жилия замѣтны и теперь. «Но куда они дѣкнулись¹⁾, говоритъ крестьянинъ той деревни Иванъ Симановскій, — того не знаесть». Подъ рождѣ на Боровой (пожня) въ горушкѣ Чудью былъ зарытъ кладъ и янотіе крестьяне пскали его, но кладъ «не дался въ руки».

Близъ деревни Кузнецова, въ острову, въ мѣстности назыв. «Сѣной беръ» въ-прежнее время, по преданію, тоже жила какой-то народъ, занимавшійся хлѣбопашествомъ, потому что слѣды пашни и до сихъ поръ замѣтны, хотя все это мѣсто за-росло уже громадныхъ размѣровъ дѣсомъ. (Сообщ. старшины Вострокнутова).

Возлѣ деревни Боровскую въ полѣ есть чудской городокъ, имѣющій форму насыпи, вала, тянущагося по край поля въ р. Тавренгѣ. Длинною эта насыпь, переходящая чрезъ проселочную дорогу, около 50 саж., высоту около 1 саж. Форма насыпи прилагается. Въ этомъ полѣ, по словамъ крестьянина Алексія Поздѣва, есть рыи и каменцы отъ жилищъ Чудъ, но куда этотъ народъ сврылся — преданіе умалчиваетъ.

Въ заключеніе считаеиъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о церковныхъ древностяхъ въ данной мѣстности и о связанныхъ съ ними преданіяхъ народа.

Такъ напр., въ Николаевской-Вельцевской церкви есть замѣчательная въ своемъ родѣ свѣчка: она имѣетъ въ длину 1¹/₂ арш., толщиною въ діаметрѣ 6 верши. — это цѣлое бревно. Исторія этой свѣчки связана съ явленіемъ иконы св. Николая Чудотворца, находящейся въ той-же церкви. Преданіе говоритъ такъ: Нѣкая благочестивая жена дер. Вельцевской, разъ придя въ свой хмельникъ съ цѣлюю очистить его отъ сорной травы, вдругъ увидала тамъ эту икону, стоявшую у колышка съ хмелемъ и передъ иконою свѣтится именно упомянутая свѣчка. Женщина вышла изъ хмельника и пошла по деревнѣ рассказывать своимъ сосѣдямъ о такомъ чудѣ. Тѣ, въ свою очередь, придя туда, подивились этому, унесли икону кому-то въ домъ и тотчасъ-же приступили къ постройкѣ часовни на мѣстѣ явленія иконы и свѣчки; въ послѣдствіи же сдѣлали и церковь. Свѣчка эта сдѣлана вся изъ чистаго блага воска, но ея теперь не засвѣчиваютъ, а лишь на нее прилѣпляютъ маленькія свѣчки и она какъ-бы подсвѣчивающъ служить въ этой церкви. Кроиъ того въ той-же церкви есть замѣчательныя своимъ древностию деревянные подсвѣчники, хошевые рыи и вѣшны, какъ говорить мнѣ священникъ Верхо-Педюбрской Афанасьевской церкви о. Р. Лумбовецкія.

Такая-же свѣчка, только нѣсколько потоньше, есть въ часовнѣ при дер. Давидовской (въ Хмельникахъ), эта свѣчка замѣчательна еще тѣмъ, что по преданію она подарена Чудью. Дѣло было такъ: часовня нногда не запиралась прежде, какъ она, впрочемъ, не запирается и теперь, и кто хочет помолиться Богу, приходитъ во всякое время дня и ночи безпрепятственно, помолится и оставитъ тутъ, обыкновенно въ блюдѣ, денегъ на свѣчки. Вотъ разъ и случилось такъ, что Чудъ соблазнилъсь и захотѣлъ ограбить эту часовню, для этого забрался онъ среди ночи туда и началъ бить убирать деньги и другіе цѣнные предметы, но Богъ пакнулъ на нихъ такую слѣ-

¹⁾ Дѣкнуться — скрыться.

поту, что какъ они ни старались найти двери и выйти никакъ не могли. Тогда Чуди раскаялись и помолились нашему Богу и оставили всё деньги и вещи на прежнемъ мѣстѣ и Богъ смилосердился—далъ имъ прежнее зрѣніе и они вышли изъ часовни благополучно. Въ благодарность за это Чуди и подарили эту свѣчку, которая теперь и стоитъ у явленной иконы св. Георгія Побѣдоносца. Свѣчка эта вся расписана разными цвѣтами: желтой, голубой и пунцовой красками, рисунки подобны этому G и S, что по народному называется «курочкамъ».

Были въ этой часовнѣ холщевыя ризы, окрашенныя кубовою краскою, съ бѣлыми крестиками, но увезены были въ мѣстную Хмельницко-Преображенскую церковь. (Сообщеніе крестьянина Рудакова).

Въ старой Верхо-Подюжской Афанасьевской церкви есть слѣдующія древности:

1) Икона Божіей Матери, изображенной сидящею, сложа руки на крестъ: передъ ней стоитъ на столѣ чаша, а въ чашѣ орудія пытки: гвозди, бичи, трость, рукавица и кошель, съ подписью названія cadaго изъ сихъ предметовъ. Немного поодаль—сосудъ съ мирою женъ мироносицъ, терновый вѣнецъ; позади—на баннѣ стоитъ пѣтухъ; на углахъ, въ веру иконы изображены человѣческія лица, означающія солнце и луну. Затѣмъ, нѣсколько поодаль—крестъ Господень, на немъ надписи ¹⁾).

Въ тотъ же киотъ, рядомъ съ этою иконою вставлена еще другая, тоже древней живописи: «Пр. Іоаннъ спаситель лѣстницы»; наверху—Исусъ Христосъ, сидящій въ облакахъ.

2) Другая древняя икона изображаетъ Иисуса Христа, сидящаго въ коронѣ, по правую сторону Его стоитъ Богоматерь въ вѣнцѣ, по лѣвую—Іоаннъ Предтеча, стоящій и благословляющій. Надписи надъ главами Ихъ.

3) Деревянный, неокрашенный крестъ, самой простой и грубой работы, длиною 1¼ аршина, на которомъ слѣдующая надпись ²⁾, сдѣланная смолою: Остиса жертвеникъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во храмѣ святителемъ Афанасіемъ и Кирилломъ, патриарховъ Александрійскихъ, при державѣ Благочестивѣйшихъ и самодержавѣйшихъ Великой Государыни Императрицы нашей Екатерины Алексѣевны всея Россіи и при наслѣдникѣ ея Благочестивѣйшій Государѣ цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, во благословеніи преосвященнѣйшаго Іосафа, Епископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго въ лѣто отъ рождества Христова тысяча семьсотъ шестьдесятъ пятого года, генваря седмаго на десять дня, на память премудраго и Богоносцаго Антонія Великаго. Надписи съ права: Іисъ, съ лѣва: Хс̄, въ подножій: Н И К А.

4) Въ церковной кладовой (амбарѣ) есть древніе деревянные вѣнцы, сдѣланные изъ дубка рабины и оклеенные бумагою, на которой изображены лики святыхъ.

Сверху крестики на вѣнцахъ разбиты и утеряны.

Кромѣ этихъ древностей есть еще много другихъ, находящихся въ этомъ амбарѣ вмѣстѣ съ разными хламомъ, но всѣхъ ихъ не было возможности осмотрѣть. Были, какъ рассказывалъ намъ мѣстный исаомщикъ, прослужившій здѣсь около 40 лѣтъ, и ризы холщевыя, но куда-то въ послѣднее время утрачены.

Набросокъ съ этой церкви прилагается.

Въ деревнѣ Зеленой есть тоже очень древняя явленная икона. Объ явленіи этой иконы преданіе говоритъ слѣдующее. Одинъ крестьянинъ, идя въ лѣсу, вдругъ замѣтилъ эту икону висящую на высокой березѣ, на самой верхнѣй ея, хотя крестьянинъ сейчасъ-же погнѣвъ туда, чтобы взять ее и унести, но икона не давалась въ руки и онъ на этотъ разъ ушелъ «простой». Придя домой, крестьянинъ тотъ расказа-

¹⁾ Въ сожалѣнію, орфографію не могли соблюсти, по неизбѣжно свободнаго времени.

²⁾ Приведенныя авторомъ надписи опущены, по явно-невѣрной передачѣ. Ред.

залъ объ этомъ чудѣ своимъ сосѣдямъ, которые, вмѣстѣ съ нимъ, на-завтра и пошли смотрѣть и, увидя, не мало дивились сему чуду и стали молиться, чтобы икона спустилась съ березы или далась-бы въ руки, обѣщаясь въ тоже время построить часовню. Послѣ этого нашедшій икону крестьянинъ опять пошлъ на березу и на этотъ разъ икона «далась въ руки». Крестьяне тутъ-же прибили на столбъ эту икону и сдѣлали сверху небольшую крышвицу, а впоследствии, когда на то мѣсто переселилась теперешняя деревня Зеленая, сдѣлали часовню и, наконецъ, церковь. — Нѣсколько разъ икону эту увозилъ одинъ священникъ въ село Пономаревское въ приходскую церковь, но икона всегда невидимо уходила опять на свое прежнее мѣсто, въ деревню Зеленую. Когда, бывало, повезетъ священникъ эту икону, то всѣ жители деревни на колѣняхъ и со слезами на глазахъ просили его не трогать ихъ святыни, но священникъ все слушалъ ихъ, оттого въ послѣдствіи жилъ очень несчастно и весь его родъ «рѣшился» т. е. вымеръ.

Въ Ширыхановско-Покровской церкви есть древняя икона Покрова Пресвятой Богородицы, которая въ народѣ слыветъ за чудотворную, а потому ежегодно 1-го Октября туда стекается масса народу-богомольцевъ. Каждый богомольецъ считаетъ своимъ долгомъ, по отслуженіи молебна въ церкви, придти къ озеру «Пачко» и бросить въ него какую нибудь монетку, такъ какъ и озеро это почему-то считается святымъ и водою его умываются страдающіе глазами болѣзнями. Икона-же эта явилась такъ: она плыла сверху рѣки Подюги и въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится церковь, остановилась; видѣвшіе это чудо тотчасъ-же приступили къ постройкѣ часовни, а затѣмъ уже и церкви.

А. Шустиковъ.